

Анна Шведова

ОКАЗИЯ

Анна Николаевна Шведова

Оказия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23892745

Оказия / Анна Шведова: Издательство «Четыре четверти»; Минск;

2017

ISBN 978-985-581-100-9

Аннотация

Иван-Константин Оболонский, маг Ее Светлейшего Высочества Великой княгини Анны Тройгелонки, отправляется с оказией в некий провинциальный городок на окраине Конкордии, чтобы проверить слухи о появлении оборотня. Рядовая поездка в разгар невыносимой августовской жары не обещает ничего, кроме скуки смертной...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	14
Глава вторая	42
Глава третья	70
Глава четвертая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Анна Шведова

Оказия

В сказках рассказывается детям не о том, что драконы есть – дети и так это знают. В сказках рассказывается детям о том, что драконов можно убить...

Честертон

© Шведова А., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2017

Пролог

*«Госпоже Александре Кардашевой
7 августа 1810 г.*

Милостивая сударыня!

С прискорбием вынужден сообщить о кончине Вашего брата, Германа-Александра Кардашева. Он был убит при исполнении своего долга перед отечеством.

Мои слова не способны уменьшить Вашего горя, но надеюсь, Вы найдете утешение в том, что Ваш брат был хорошим человеком, смелым, решительным, не сдающимся перед обстоятельствами. Он навсегда останется именно таким и в нашей памяти. Его будет не хватать всем тем, кто имел честь служить с ним.

У меня нет возможности рассказать Вам, как все произошло, но пусть Вас утешит, что умер он, как и жил, борцом, а его последние слова были о Вас.

Соболезнования незнакомого человека наверняка мало значат для Вас и все-таки позвольте уверить, что я искренне разделяю Ваше горе.

*Иван-Константин Фердинанд Оболонский,
советник по особым поручениям Особенной Канцелярии
Ее Светлейшего Высочества Великой княгини Анны»*

Оболонский перечитал короткое письмо, вымученное им в последние полчаса, недовольно скривился и чуть было не отшвырнул перо в сторону. «Долг перед отечеством», «останется и в нашей памяти»... Да, Герман был не подарком, однако таких избитых фраз, явно пришедших на ум из какого-нибудь официального некролога, он не заслужил. Впрочем, о чем еще писать его сестре? «Убит» – потому что сгруппил, «решительность и смелость» на самом деле безрассудство и ослиное упрямство, «не сдаваться перед обстоятельствами» – лезть на рожон вопреки здравому смыслу... Об этом ли писать? Ну да, утешать Оболонский не умел, однако на сию сомнительную радость и не напрашивался. Тягостная обязанность была вынужденной, но он дал слово и теперь обязан был уведомить сестру Германа о печальном событии. И письмо переписывать не стал. Какая разница? Брата неизвестной ему Александры все равно не вернуть и чем меньше девица будет знать, что на самом деле произошло, тем легче ей будет жить дальше. А догадывается ли она вообще, кем был ее брат... Впрочем, какая разница?!

Перо, раздраженно отброшенное в сторону, еще летело, а руки с тонкими изящными пальцами наскоро скатали папиросную бумагу трубочкой, с трудом засунули в крохотный патрончик и привязали под крыло голубю, безмятежно ворковавшему в клетке. Что ж, обязанность не радовала, лгать и изворачиваться он терпеть не мог, но правда была куда хуже.

Константин был зол. Очень зол. На упрямого Германа, на непонятное стечение обстоятельств, а пуще всего – на самого себя, такого умелого, такого умного и предусмотрительного... такого до тошноты правильного и благоразумного... Где же была эта самая его предусмотрительность да твердость всего несколько часов назад?

А несколько часов назад произошло следующее.

Сторонний наблюдатель, буде таковой совершенно случайно забрел в раскисший от летней жары лес на краю болота, увидел бы совершенно неуместного здесь импозантного всадника – молодого мужчину лет двадцати пяти, довольно высокого, худощавого, с аристократической лепкой холерной темноволосой головы, безупречным и тем более странными в этих местах модным черным сюртуком и шляпой. Лицо мужчины выражало лишь привычные сухость и надменность; тень раздражения была единственным выражением неудовольствия, которую он себе позволял.

Что в густом подлеске недалеко от лесной дороги делал этот странный всадник? Ждал. Следил. Злился. Втайне желал поражения Герману Кардашеву и мысленно ужасался тому, что ждет беды лишь чтобы оправдать свои мрачные прогнозы.

Что творилось в душе Константина Оболонского, со стороны понять было трудно. Практически невозможно. Скрывать свои чувства он привык с детства, очень рано усвоив,

что маска высокомерия и надменности отлично спасает от любого чужого внимания. Внимания он не любил, но избежать его по известным причинам не мог, а потому и вынужден был находить способы защиты. Приязни со стороны окружающих это не добавляло, однако такая мелочь его не беспокоила. Уже не беспокоила. С годами маска вросла в его плоть и кровь, и Константин перестал считать ее ширмой, скрывающей чувства, он стал замкнут и скрытен, и в конце концов решил, что маска и есть его подлинная суть. Втайне он гордился своим бесстрашием и холодностью, своей невозмутимостью в любой ситуации и не подозревал, что не далее, чем через несколько дней, ему придется убедиться в обратном.

...Некоторое время всадник вслушивался в звуки леса, одной рукой чуть приспустив для лучшего обзора ветку с подвявшей от жары листвой, а другой рассеянно похлопывая по шее лошадь, вынуждая ее стоять спокойно и не метаться под облаком гудящих вокруг слепней. Узкий сюртук немало стеснял движения мужчины, изысканно повязанный шейный платок повлажнел от пота и неожиданно стал натирать, как самая обыкновенная рогожка... а вот это уже раздражало...

Несколько минут Оболонский боролся с этим раздражением и острым желанием содрать с себя галстук; с подчеркнутым вниманием следил за змеистыми передвижениями Германа и его людей, прячущихся в высокой болотной траве, потом резко развернул лошадь и подал животное обратно

на поляну. Шум сзади не остановил его, неожиданные выстрелы, внезапные резкие окрики и крики о помощи вызвали лишь негромкую досадливую ругань – он не обернулся и продолжил свой путь под сень роскошного соснового бора. Драться он все равно не станет, его таланты были в другом, однако его помощь не просто не приняли, ее откровенно и демонстративно отвергли, а Оболонский к такому не привык.

Им пренебрегли? Прекрасно. Пусть теперь выпутываются как знают.

От осознания этой по-детски нелепой обидчивости стало еще горше, теперь Константин злился уже на себя. Да, да, это его не красит, но он желал поражения Германа. Может, хоть это заставит упрямого капитан-поручика прислушаться к чужому мнению? В глубине души Оболонский даже был рад демаршу Кардашева, ибо слова убеждения закончились, а для слов угрозы пока еще не было повода, зато теперь будут, обязательно будут...

– Господин Оболонский! – послышалось сзади сдавленно-отчаянное, – Ваше благородие!

Константин обернулся, все еще лелея свою злость.

– Беда, Ваше благородие, – голос Гаврилы Лукича, старейшего из отряда Германа, звенел тихим отчаянием, – Вот ведь оказия какая...

Оболонский про себя выругался, однако внешне остался спокойным – привычка, понимаете ли.

Невысокий, щуплый Лукич на пару с рослым медведеобразным Подковой волок Германа, залитого кровью, побелевшего, как снег, с головой, обессилено упавшей на грудь.

– Что случилось? – Оболонский резко соскочил с лошади и шагнул к раненому, которого бережно укладывали на землю.

– Нож, – нехотя, будто в этом была его вина, сквозь зубы выдавил Подкова.

– Зачем вынимали? – отрывисто бросил Оболонский, опускаясь на колени и разворачивая пропитанную кровью сорочку. Герман с трудом дышал, его сердце глухо колотилось, а по телу время от времени пробегали судороги, он то задыхался, то расслаблялся и впадал в забытие. Лицо сильно побледнело, исказив черты почти до неузнаваемости, зрачки расширились, оставив от голубой радужки тонкое колечко.

– Можете, Ваше благородие? – тихо-обреченно спросил Лукич, подавая ему нож. Оболонский тоскливо взглянул на обильно сочащуюся рану, на синюю кромку окровавленного лезвия и медленно покачал головой:

– Бесполезно.

– Да что ты вообще можешь, благородие? – со злобой прошипел сквозь зубы Подкова и протянул свои ручищи, словно собрался раздавить холеного дворянчика в железных мужицких объятьях, – Неужто тебе Герман так поперек горла стал, что ты даже не спасешь его?

– Это яд, – сухо сказал Оболонский, – а я не бог.

Подкова грязно выругался. Оболонский, не оборачиваясь, надрезал и разодрал сорочку Германа, скатал обрывки в клубок и с силой прижал к располосованному боку раненого.

– Кровь, – бормотал Лукич, явно стараясь оправдать Константина перед Подковой, – если бы яд попал не в кровь, мы бы могли помочь... А так...

– Константин, – вдруг пришел в себя и просипел Герман, с трудом выдавливая слова из пересохшего горла и хватаясь за лацкан сюртука Оболонского окровавленными пальцами, скрюченными очередным приступом судорог, – Ты зануда и дерьмо, благородие, но я в тебя верю. Ты всех достанешь, я знаю. Если ты вцепишься, то не отпустишь, так про тебя говорят, хрен чертов...

Тут он закашлялся, Лукич бросился к нему, бережно приподнимая голову, а Оболонский еще сильнее прижал рану, понимая, что время на исходе.

Герман стал гневно отталкивать держащие его руки и вырваться, Лукич растерянно отпрянул, забормотав нечто себе под нос, Подкова горестно застонал, подползая ближе, однако раненый вовсе не забился в конвульсиях, а только рванул на груди остатки липнувшей к телу сорочки, выдернул закатившийся куда-то под мышку медальон на кожаном шнурке и сунул его в руку Константина. Оболонский осторожно снял шнурок со светло-русой головы Германа, и тот из последних сил просипел:

– Это Александра... Сестра... Обещай, ты ей все расска-

жешь. О том... я умер... Обещай... Ты... гончий пес... Поделись... добычей...

После этих слов Кардашев впал в оцепенение, чтобы больше в себя так и не прийти...

Спустя всего пару часов, когда все закончилось, Оболонский долго рассматривал портрет, бывший в медальоне. Увы, миниатюру залила кровь, довольно сильно размыв черты изображенного на нем лица. На портрете была нарисована девушка лет двадцати, хрупкая, тонкая, изящная. Светлые волосы, голубые глаза, нежный овал лица, тонкие черты – мужчина скорее домыслил себе все это, чем увидел на самом деле. Таких девушек Иван-Константин, младший сын богатого мецената графа Оболонского, на своем веку встречал немало, отмечая их несомненную красоту и тут же забывая о них. Он так долго был мишенью для матримониальных стрел, что ни безупречная красота, ни знатность, ни богатство девиц его не трогали. В свои двадцать пять он еще не стал законченным циником, но уже был предубежденным холостяком; в женщине он еще допускал нечто, помимо смазливового личика и дурного характера, но уже не надеялся такую встретить. Александра не была ни красавицей, ни дурнушкой. Милой, но обычной. Константин скорее пытался разглядеть в этих чертах образ ее брата, человека, которого не сумел спасти. Станным было их знакомство, многообещающим, но недолговечным. Три дня – малый срок, чтобы узнать человека. За три дня Кардашев не стал ни дружелюб-

нее, ни покладистее, ни спокойнее, как не стал более открытым и понятным, но сумел стал истинной занозой в пятке. Таких поневоле заметишь. Таких игнорировать не получится, как бы ты ни пытался.

Впрочем, три дня назад Иван-Константин Оболонский, советник по особым поручениям Особенной Канцелярии Ее Светлейшего Высочества Великой княгини Анны, даже и не догадывался о том, сколько сюрпризов способна принести рядовая поездка в рядовой провинциальный городишко, куда он отправился с оказией просто потому, что проезжал мимо, возвращаясь в Трагану. Вот и сейчас, сложив и спрятав в сумку дорожный письменный набор, откинув холеную темноволосую голову к стволу старой березы и рассеянно глядя на распахнутую клетку, где еще пару минут назад ворковал голубь, он мысленно вернулся в тот самый день, когда все только начиналось и казалось скукой смертной...

Глава первая

Тремя днями ранее.

Он приехал в Звятовск в самый разгар августовской жары, тяжелой, густой, как взвешенная в воздухе патока из колкого аромата убираемого жнива, повядших листьев и разморенных под солнцем трав. Пара молодых с проплешинами псов, утомленно приподняв головы с донельзя высунутыми розовыми языками, лениво тьякнула, но с места не сдвинулась, не рискуя покидать спасительную подзаборную прохладу, а больше никто приезжего не приветил. Некому было. Улицы были совершенно пусты. Горожане затаились в теньке, пережидая дневную жару сладкой дремой. Время от времени краем глаза путник замечал, как-то там, то здесь слабо колыхнется отогнутая для лучшего обзора ветка за высоким деревянным забором, но большего интереса он не вызвал. Впрочем, его это не волновало.

Оболонский неторопливо проехался из конца в конец чуть ли не единственной улицы Звятовска, пока не попал на городскую площадь с опустевшими по случаю жары торговыми рядами, городской ратушей и гостиницей. Вдали виднелись купола храма.

Звятовский повет был бедный и по меркам соседей немногочисленный. Объяснялось это просто: большую его часть, а точнее, южную, занимали болота, простирившиеся

на многие версты без конца и края. И то была бы не беда, если бы Миза, единственная судоходная река этих краев, не делала солидный крюк на север, ровнехонько по границе обходя Звятовск. Два притока Мизы – Калыханка и Мазурна, питались болотами, но, протекая рядом с городом, к лету так высыхали, что были разве что курам по колено. Потому и лежал повет в стороне от торговых путей, светских развлечений и мало-мальски значимых событий. Рудами да камнями похвастать не мог за неимением таковых, земля особым плодородием не баловала, да к тому же ее постоянно приходилось отвоевывать то у пуши, то у болот, а лес, единственно возможное богатство, со стороны покупали пока неохотно: сплавливать – не сплывишь, а так волочь – далеко. Промышленники, правда, были, но разворачиваться во всю мощь не спешили. Оттого и жил повет тихо и мирно, по старинке, свято чтя традиции и не претендуя на большее.

Город Звятовск тоже особым блеском не радовал: почти полностью застроен одноэтажными деревянными домами, почерневшими, лоснящимися от времени (камень в этих местах чуть ли не роскошь), большей частью выходящими фасадами прямо на улицу, окруженными деревьями и только в редких случаях предварявшимися палисадниками. Палисадников горожане почему-то не жаловали. Сады – это пожалуйста, но мода на бесполезные клумбы и парки, столь распространенные в загородных имениях, среди горожан не привилась. Ближе к городской площади дома становились

двухэтажными, более представительными и крепкими, перемежающимися нарядно-зазывными вывесками и витринами расположенных в нижнем этаже лавок и магазинчиков, а вот окраины – село селом. Оболонский равнодушно скользнул взглядом по заколыхавшимся занавескам в одном из призывно распахнутых окон дома, выглядевшего получше других, но проехал мимо: время знакомиться с местными властями еще не наступило.

Единственной каменной постройкой в Звятовске оказалась городская ратуша – горделиво вытянувшаяся на целых три этажа башня с часами, стрелки которых намертво остановились на восьми часах двадцати двух минутах. От ратуши вправо тянулись арки торговых рядов, не только глухо закрытых деревянными ставнями, а еще для пущей безопасности крепко перетянутых железными засовами с внушительными амбарными замками. Воздух жарко плавился на прохощей до каменной тверди земле, поднимаясь вверх рваными горячечными волнами, несильный ветерок время от времени гонял серые смерчки из душной колкой пыли.

У гостиницы нашлись, наконец, люди. Высунув из дверей нос, унылый приказчик с блеклыми глазами окатил Оболонского туманным взглядом, явно борясь с желанием отослать прибывшего подальше, но сказала привычка:

– Желаете-с номерок, Ваше благородие? – замогильным голосом прошептал он, почти с благоговейным ужасом разглядывая человека, одетого в дорогой темный сюртук, пусть

и тонкий, зато наглухо застегнутый. Это в такую-то жару, когда от просторного полотна несет как от печки!

– Подскажи-ка мне, любезный, как проехать к дому Брунова Арсения Викентьевича.

Приказчик побледнел (куда уж больше!), истово перекрестился, прошептал «Царствие небесное...» и неожиданно бодро махнул рукой в сторону:

– Так езжайте до церкви, Ваше благородие-с. Как обминете ее, так направо, а там до мостков. Опосля мостков опять направо, а там и имение найдете-с.

Оболонский кивнул в знак благодарности, потом нахмурился:

– Что-то случилось? С Бруновым все в порядке?

Приказчик пришел в ужас:

– Какой порядок, Ваше благородие? Помер их благородие, помер.

– Как помер?

– От удара и помер, – охотно закивал тот, – Вечерком как откушал, так хрипеть стал...

Оболонский опять кивнул, жестом прерывая неожиданное словоизвержение замороженного жарой юноши, тронул поводья своего коня и молча двинулся по обозначенному приказчиком пути. В другое время Константин не преминул бы послушать местные сплетни – хоть пустопорожней болтовни он не любил, а ради дела превозмог бы себя... Только сейчас это было выше его сил. Жара проклятушая!

До имения он добрался быстро. Миновав неширокую реку с ее сомнительной прохладой, в сопровождении визга ребятишек, плещущихся на мелководье, Оболонский свернул в длинную, ровную как струна, аллею тополей и под их спасительной, густой тенью добрался до распахнутых ворот – чугунных, ажурных, но слегка покосившихся. Ворота предвещало странное для этого места собрание дюжины каменных статуй в римском стиле. Оттуда до господского дома было рукой подать. Это было приземистое одноэтажное зданьице, размеры которого трудно было определить, ибо правое крыло его напрочь терялось в зарослях сирени, а левое заслоняли две вековые ели, пышущие сильным смолистым духом.

А спешить и вовсе не следовало, Брунова уж два дня как похоронили. «Так жара ведь, батюшка», жалобно проняла старуха-экономка, промакивая слезящиеся глаза, будто заезжий гость напрасно обвинил ее в чем-то недозволенном, «да и люди ваши, они дозволили...»

– Какие мои люди? – резко спросил Оболонский.

– Сослуживцы барина, – охотно ответила старуха, теребя в руках белый платочек, – Только уж больно оне молодые. Как Вы, – экономка бросила быстрый подозрительный взгляд на гостя и тут же потупилась, – Гостевать приехали, только вот не успели. Кардашев, да, один из них Кардашевым назвался.

– И куда эти... сослуживцы поехали?

– Не знаю, батюшка, – испугалась старуха, заметив в госте

недовольство, – День-два побыли да съехали. Аккурат после отпевания. Никишку послать, чтоб поспрошал?

– Ничего, я сам их найду. Должно быть, в пути разминутись.

Оболонский пробыл в имении до вечера, едва не доведя несчастную старуху до кондрашки. Все-то он высматривал, выспрашивал, лазал куда ни попадя... Экий барин настырный!

А барину дела до чувств домочадцев Брунова не было. Осматриваться-то он осматривался, но не переусердствовал, с людьми говорил, однако без особого пристрастия. Со стороны могло показаться, что гость строг, а на деле он с трудом скрывал раздражение и злость: именно из-за Брунова ему пришлось ехать в эту глушь и на тебе! Помер! Историйка отставного полковника и при первом прочтении была сомнительна, а теперь и вовсе казалась нелепой.

Именно с истории Брунова все и началось. Точнее, с письма.

Отставной полковник Арсений Брунов, признанный воюка и герой Второй Балканской войны, обратился за помощью, и не куда-нибудь, а в Особенную канцелярию. Письмом заинтересовались, а потому Ивана-Константина Оболонского, по случаю возвращавшегося после завершения не совсем удачной миссии на востоке, недвусмысленно упросили сделать крюк на юг и заехать в Звятовский повет. Проверить да со стариком поговорить. Мало ли? А вдруг отставник-пол-

ковник вовсе не выжил из ума? Вдруг правда то, о чем он написал? Так Оболонский и оказался в этом Богом забытом месте с мятым письмом за пазухой, глухой тоской в душе и подспудным желанием устроить скандал. Нет, на самом деле скандалов он терпеть не мог, однако раздражение и злость из-за того, что его вообще сюда послали, требовали выхода.

В письме было следующее. У шестидесятилетнего Арсения Брунова была дочь, семнадцатилетняя Матильда. Он воспитывал ее в одиночку (мать сбежала чуть ли не сразу после рождения девочки), оттого выросла девушка с характером независимым, гордым и слегка взбалмошным. Из всех занятий, скрашивающих жизнь в маленьком городке, она выбрала для барышни самое неподходящее – охоту. Ее страстью были лошади, ее любимым развлечением – бешеные скачки и стрельба. Она не боялась кататься в одиночку, полагая, что заряженные пистолеты – лучший способ обороны. Отец поощрял ее в этом и за это же поплатился. Однажды девушка уехала на обычную прогулку по окрестным полям и исчезла. Как в воду канула. Вместе с лошадейю.

Ее искали силами чуть ли не всего повета несколько дней, скрупулезно прочесывая леса да овраги, но не нашли никаких следов. Местный воевода, с воодушевлением бросившись на это дело, обшарил все, даже снарядил своих людей проверить баграми дно реки и затоки, огибающей имение Брунова. Приятельствующий с воеводой бургомистр города Звятовска, Сигизмунд Рубчик, уж на что просторы повета не

в его компетенции, и тот сочувствующе пыхтел да вытирал лысину вышитым платком, оправляя своих людей в помощь. Но ничего не помогло. Девушку так и не нашли. Поиски пришлось прекратить – то ли сил повета оказалось маловато, то ли не осталось у них надежды на успех сего дела.

Брунов продолжил поиски дочери в одиночку, теперь уже не ограничиваясь окрестными полями да лугами, а углубившись в лес, что начинался южнее Звятовска и простирался на многие десятки верст до самых знаменитых Синявских болот. То в сопровождении своих дворовых, а то и совсем один, полковник объехал все села и хутора, опрашивал всех, кто попадался на дорогах, и так он узнал нечто весьма его обеспокоившее: дети в последние месяцы пропадали и без Матильды. Селянские исчезнувшие дети были, правда, куда меньших годков – лет восьми-десяти. Без следа, тихо, быстро, незаметно. Кто-то находил брошенные корзинки с ягодами, кто-то – памятную тряпицу, в которой был завернут хлеб, но это было все, что от них осталось. Никто не смог подтвердить, бывали ли в их местах чужие. Все, как обычно. Все, как всегда. Может, медведь задрал, неуверенно говорили одни. Может, в болоте утонули, предполагали другие, багник затянул. А то и леший увел? А больше ничего не знаем. Но Брунов дураком не был. Он чуял неладное, видел скрываемый страх, замечал задержанное дыхание, опущенные глаза и напряженно сцепленные пальцы. Разговорить кое-кого он все-таки сумел, но это его совсем не порадовало. «Переверт-

ни», нервно озираясь по сторонам, шепотом поведала ему полоумная женщина, за пару месяцев ставшая старухой от горя. Вовкодлаки тут виновны, они нашими детками питаются, зубки оттачивают, кровью умываются. Детки-то мягкие и нежные, оборотням по нутру, а как деток переловят, так за всех остальных и возьмутся...

Бывалому Брунову не впервой всякое видеть и слышать, а от упоминания оборотней он перепугался. Мало ли что безумная наговорит, что с нее возьмешь, успокаивал он себя. Только никак не шел у него из головы этот разговор, вкупе со всем виденным и слышанным. А вскоре его к его пустым подозрениям добавились и факты. Нашелся один мужичок, похвалявшийся, буде самого оборотня убил. Правда, похвалялся в сильном подпитии, да и раньше особой честностью не отличался, отчего ему никто не верил, но Брунов решил-таки поверить – показалось, будто за этим бахвальством нешуточный страх скрывается. Мазюту, мужичка того, долго пришлось упрашивать, однако отвел он все же Брунова в старую рощицу недалеко от Батрянской прорвы, самого гиблого места на болотах, и рассказал: так, мол, и так, вот здесь, на этом самом месте, набросился на меня огромный волк посередь бела дня, а я его пырнул ножичком, да прямо в сердце. А как волк издох, стал я его свежевать – а там, глядь! Рубаха старая, сотлевшая, опорки да лапти. Закидал, мол, тело ветками, да и деру дал от греха подальше.

Однако Брунов на том самом месте тела не нашел. Кроме

клока волчьей шерсти да бурых пятен на листве ничего не нашел. И еще кое-что в рассказе не стыковалось: где ж это видано, чтобы оборотня простым ножичком били? А потому стоило отставному полковнику слегка поднажать, лаской да нежными увещеваниями поубеждать мужичка, как Мазюта вздохнул поспешил поделиться тем, о чем «нечаянно» забыл рассказать. А забыл он то, что увидел раненого волка и шел за ним немало верст аж до самой Батрянской прорвы, надеясь добить того да шкуру снять, когда зверь совсем ослабнет. Когда волк упал и не смог подняться, мужичок решил, что время его пришло, но только и смог, что разок ударить, а прикончить зверя не успел: на его глазах шкура волчья в стороны полезла, а из-под нее – человеческое тело показалось. Со страху-то мужичок и не разглядывал, кто под волчьей шкурой был: лицо бородатое, все в слизи, крови да шерсти, спешил ноги поскорее унести. А жив ли «перевертень» остался или помер – кто ж его знает?

Вот и вся тебе история. Правду мужичок сказал или выдумал все, Брунов, однако ж, подозрений своих не рассеял. И в смерть оборотня не поверил, а потому, не надеясь справиться с тварью один, отписал обо всем своему старому приятелю, по счастливой случайности служившему в Особой Канцелярии самой конкордской Великой княгини.

А уже тот знакомец и расстарался озадачить подчиненных, и сия сомнительная честь проверить рассказец и утешить бедного родителя выпала Оболонскому, который ак-

курат в это время возвращался в столицу мимо звятовских мест.

Сам Оболонский такой оказии само собой разумеется не порадовался. С оборотнями он доселе дела не имел, но это было и не важно, не в оборотнях дело. Там, где пасует разум, человек склонен к выдумке и преувеличению, и особенно склонны к этому люди вроде Брунова – отставные и оставшиеся не у дел. Им в каждой мухе видится слон, да еще с рогами... Трясаясь в седле и подъезжая к Звятовску, Оболонский заранее уверил себя в том, что прислали его сюда зазря. И настойчиво искал тому подтверждение – умышленно или нет.

И вот теперь оказалось, что Брунов умер, а некие подозрительные люди рыщут по округе, выдавая себя за его сослуживцев. Плюнуть бы на все это, списать на жару и непредвиденные обстоятельства: нет Брунова – нет дела... С ненавистью глянув в последний раз на приземистый господский дом, Оболонский послал лошадь в галоп. Та обиженно заржала и неторопливо потрусилась по дорожке, нимало не заботясь злобным настроением всадника. Жара, понимаете ли...

Константин вернулся в город, снял номер в гостинице к вящей радости управляющего, совсем раскисшего от жары, и поздним вечером уже обедал в доме звятовского бургомистра Сигизмунда Рубчика, сказавшись компаньоном и давним другом Брунова.

Бургомистр, лысоватый полный мужчина под пятьдесят,

страдальчески пыхтя то ли от жары, то ли от присутствия высокого гостя, ради которого натянул колючий и неудобный парадный камзол, то ли от излишней рюмки приторно-сладкой наливки, изливал душу. Поначалу он страшно испугался, решив, что столичный гость, прикрываясь дружбой с Бруновым, на самом деле прибыл по его, Рубчика, душу и как пить дать обвинит его, не важно в чем: в недостаточном ли усердии при поиске Матильды, или в том, что неспроста Брунов помер, или чего хуже... А вдруг старые недруги решили добить его окончательно, прислав этого хлыща с тайной инспекцией? Молодой человек, гордый и надменный, с холодно-невозмутимым красивым лицом и безупречными манерами с первого взгляда внушил ему неподдельный ужас, из-за чего пришлось срочно принять пару рюмочек наливки перед обедом. Это помогло бургомистру справиться со страхом, но ситуацию не разрешило.

Поначалу беседа шла на редкость туго – хозяин поругал жару, посетовал на отсутствие дождя, на печальный повод, приведший господина Оболонского в Звятовск... Гость отвечал немногословно, о себе распространялся мало, зато местными делами интересовался. Подозрительно подробно интересовался, особенно смертью Брунова.

А потом Рубчик возьми, да и спроси, а не родственник ли милостивый государь графу Фердинанду Оболонскому, известному конкордскому меценату? Разумеется, ответил гость, я его младший сын. Услышав такое, Рубчик пришел

в неопиcуемый восторг, что не cлишком порадовало гостя. По чести сказать, Константин не любил козырять происхождением и о собственном семействе мнения был не лучшего.

А хозяин между тем совсем растаял, жарко припоминая молодые годы, проведенные в веселой столице, юных театралок... ну, и конечно же, великую силу искусства, столь ценного батюшкой гостя. Между прочим, доводилось встречаться, да-с, милостивый государь. И так, пару минут спустя Сигизмунд Рубчик, в полной мере осознав, что сыночек графа Оболонского, в высшей степени положительного человека, никак не может быть чиновничьей розгой, готов был выдать все государственные секреты, если бы таковые у него нашлись, и печалился лишь о том, что сказать ему, собственно говоря, нечего. Но как только бургомистр вздохнул облегченно, речь его стала куда более свободной, витиеватой в слогe и раскованной в оценках. И полилась, полилась рекой...

Оболонский откровенно скучал. Подобострастие хозяина его угнетало, необходимость поставить точку в деле не то об исчезновении Матильды и детей, не то появлении в этих местах оборотня (оборотней) приводила в уныние.

За прошедший день Константин не раз и не два прокрутил в своей голове обстоятельства смерти Брунова и говорил себе, что ничего подозрительного не нашел.

Поговорил с лекарем, тот подтвердил, да, мол, апоплексический удар, оно-то и понятно – годы, опять-таки, волне-

ния. Тело похоронено, а с ним – и концы в воду, если и было что подозрительное, о том уже не узнать. Впрочем, ничего мистического Константин не увидел и во всей этой истории с похищением детей и пропажей Матильды. Страшно, жестоко, омерзительно – но не странно. Разве приходится удивляться изобретательности порочной человеческой натуры, умеющей делать деньги и находить способ получения удовольствия на всем и во всем? Исчезновение детей могло объясняться причиной простой, например, перепродажей на юг, и для поиска пропавших незаурядные и дорогостоящие таланты Оболонского не нужны. Поиском должны местные власти заниматься, и все, что столичный гость мог сделать, так это с высоты своего положения надавить на нерасторопных исполнителей, встряхнуть их от лени и нерадения, а при необходимости напугать.

Был, правда, еще и оборотень. Но оборотням дети ни к чему. А если точнее, им безразлично, дети это или взрослые, а потому причина пропажи детей явно крылась в чем-то другом. Пока Оболонский не видел никакой связи между смертью Брунова, исчезновением его дочери и селянских детей и появлением оборотней, существование которых в этих местах еще требовалось доказать. Ах да, была и еще одна странность – неизвестные «сослуживцы». Хотелось бы верить, что слова бруновской экономки простое недоразумение, но...

Но никак не получалось у Оболонского успокоить совесть, хоть убей! Очень не хотел он видеть за происходящим ре-

альных живых людей, детей, которым, возможно, требуется его помощь и его таланты, не хотел замечать странностей и слышать ложь. Потому что тогда он не сможет отвернуться, уйти в сторону, сказать, что это дело не по его рангу и чину... Не хотел видеть, но видел, слышал, замечал. В происходящем было нечто подозрительное. Увы, у Оболонского был немалый опыт замечать то, чего не видят другие, особый, так сказать, нюх, а то, что он отгонял свои подозрения прочь, объяснялось просто: жара. Да-да, именно – во всем виновата жара. Пусть он не изливался потом, как другие, пусть дорогая шелковая сорочка не липла к спине, пусть он выглядел невозмутимой глыбой льда, жару он ненавидел. Она путала мысли, замедляла движения, манила предаться полной и всепоглощающей лени, отпустить самого себя на волю или погрузиться в хандру. Где-то подспудно он понимал бездействие городских и поветовых властей, не желающих носиться по изнывающим горячим полям и лесам в безрезультатных поисках. Понимал, но не оправдывал и безуспешно подавлял в себе подспудное желание рывкнуть на толстого испуганного бургомистра...

Да, во всем виновата жара. И его настроение, разумеется, никак не связано с событиями, случившимися неделей раньше в сотне верст в городке восточнее Звятовска. Та поездка была успешной, даже несмотря на то, что отделанная ониксом хитроумная шкатулка, которую он должен был привезти в Трагану, оказалась вдребезги разбитой вместе со всем ее

содержимым. Но это бедой не было, скорее наоборот. Уничтоженная, она уже никому не сможет причинить вреда, а это тоже результат. Ему не в чем винить себя, он предотвратил гибель многих человек.

Но не мог предугадать случайной жертвы, семнадцатилетнего паренька, из любопытства пробравшегося на хлипкую крышу старого дома и упавшего вниз в самый разгар драки, чем не замедлил воспользоваться противник Константина и прикрылся телом юнца как щитом. Счет шел на мгновения, Константин не успел притормозить. Один-единственный удачный удар прошел сразу два сердца. Того, кто заслуживал смерти тем, что натворил, и того, кто поплатился за свое любопытство. Первого Оболонскому не было жаль. Он убил бы его еще и еще раз не задумываясь. А второго... Это жара навевает хандру. Это из-за дурацких приказов канцлера Аксена, который скоро дойдет до того, чтобы посылать его, Оболонского, на поиски какой-нибудь пропавшей коро-вы. А дети... дети наверняка найдутся там, где их никто и не искал.

– Странно как-то Брунов умер, не находите ли? – Константин задал вопрос и только потом понял, что перебил хозяина на полуслове, – Похоже на отравление.

– Ах, скажу я Вам, милейший граф, это точно от горя, – бургомистр нашелся сразу, нимало не удивившись крайней нетактичности гостя. У них, графьев, понятия об этикете свои, – От горя-то и помер. Единственная кровиночка поте-

рялась, так как тут с горя руки на себя не наложить?

– Сам? Разве он не умер от удара?

– Э-э, да. Точно удар, – кивнул Сигизмунд, совершенно запутавшись. А ведь он так старался сказать именно то, что желает услышать гость!

– А может, его убили? Кто-нибудь желал ему зла?

– Помилуйте, какие страхи Вы говорите! У нас в городе не может быть убийств! – вот оно, опять бросило в жар бургомистра. Его явно хотят обвинить в неисполнении своих обязанностей, уж на это у него был нюх отменный. Ищейка не ищейка, а все-таки...

– А может, и вправду сам себя...? – с надеждой спросил Сигизмунд. Так для всех было бы лучше. Сам виноват и дело с концом.

– Не завершив поиски дочери? Нескладно как-то выходит, – настаивал гость, – Нет, я вовсе не хочу ни в чем Вас упрекнуть, но я хочу понять...

– Как же не завершивши, – всплеснул пухлыми руками обиженный намеками хозяин, тем не менее облегченно выдыхая, – Побойтесь Бога, обшарили весь повет! Каждую кочку осмотрели, каждый овраг облазили. Если бы Матильда померла, не сомневайтесь, нашли бы тело.

– Так где же она?

А вот этого вопроса бургомистр ждал и боялся, поскольку до сих пор так и не решил, что в конце концов отвечать. Девушка и вправду бесследно исчезла, но на сей счет мало кто

сомневался в причинах пропажи. Однако ж гость был в приятельских отношениях с Бруновым, а о мертвых – либо хорошо, либо никак. Несколько минут разговора убедили Сигизмунда, что младший граф Оболонский – милейший человек, и никто иной, как милостивая судьба привела его в дом опального некогда столичного чиновника, за некие незначительные прегрешения выдворенного на границы княжества. В лице молодого человека он надеялся найти столь необходимую ему поддержку при великокняжеском дворе, в этом он видел свой единственный шанс вырваться отсюда, из глуши, а потому не стоило настраивать гостя против себя намеками на непристойное поведение дочери его бывшего компаньона. А то как молодой человек и сам имел виды на красавицу Матильду? В подобном деле стоило быть осмотрительным.

– Видите ли, господин Оболонский, Матильда была девушкой...э-э-э... своенравной. Вы с ней знакомы? Нет? Очень хорошо, то есть, я хотел сказать, Вам многое неизвестно..., – Сигизмунд с трудом перевел дух, – Надо сказать, милейшему другу моему Арсению надо бы получше присматривать за дочкой. Оно ж понятно, без матери росла... А за девицами глаз да глаз нужен, уж я-то по собственному опыту премного знаю, – понизив голос, обронил бургомистр, бросив грозный взгляд в столовую, где уже накрыли к обеду. У стола, нарядно украшенного белой вышитой скатертью, помпезными букетами цветов и вынудой по крайне

торжественному случаю фамильной посудой, нервно прохаживалась пышнотелая темноволосая девица лет шестнадцати, бросая горячечные взоры на неожиданного молодого гостя, так некстати застрявшего с отцом в гостиной.

— Ах, давайте-ка к столу, — спохватился хозяин, обрадованный тем, что может сменить тему разговора: после сытного обеда гость, глядишь, на многие вещи взглянет благодушнее. Говорить о помершем Брунове Рубчику очень не хотелось. Во-первых, потому, что аккурат перед смертью бывший приятель на весь город ославил бургомистра, громкогласно обвинив в тупости, глупости и нежелании делать то, что по власти положено, в ответ на что Сигизмунд высказал в глаза вздорному старикашке то, о чем зубоскалил весь город: что его разлюбезная дочь, наплевав на приличия, сбегала с каким-нибудь заезжим молодцем, нимало не заботясь о папеньке. Как ни странно, на обвинение Брунов не ответил, сразу как-то скиснув и понурившись. А на другой день его нашли мертвым. Так что, крути не крути, а малая толика вины в том, что отставной полковник помер, была и его, Рубчика. Он даже по этому поводу сегодня поутру к батюшке сходил на исповедь. А во-вторых, чего уж греха таить, Матильду почти и не искали, убежденные в ее побеге. Для вида прошерстили окрестные луга да дороги, и довольно. Оттого и лютовал отставной полковник, оттого и не мог смириться.

Однако перед своим именитым гостем виниться бургомистр не стал. Гостя он слегка побаивался и заискивал перед

ним, оттого трещал без умолку, только чтобы правда наружу не вышла. Может, скажи Рубчик дурное про эту девицу или ее отца, сам же в виноватых и окажется? Пока Сигизмунду так и не удалось понять, что Оболонский собирается делать дальше – тот ловко уклонялся от ответов, а потому с оценками да выводами спешить не стоило. Ничего, дайте только время. Не первый год на свете живем...

Стоило Оболонскому выразить желание познакомиться с именитыми людьми повета, как Рубчик тут же расписывал ему, кто где живет и чем дышит. Стоило только намекнуть, что хорошо бы к лесу ближе, как бургомистр готов был сам отвезти гостя к помещику Редянину, в чьих владениях была знаменитая Вышовская пуца, и ходатайствовать перед ним. Ах, нет нужды? А вот на болота ехать бы не советовал, да, не советовал бы. Нет, почему, люди там живут, и не просто люди, а сам Тадеуш Менькович, что в родстве с самими Тройгелонами, правящей династией Конкордии. На болотах есть одно примечательное местечко, даже старый замок стоит, долгое время заброшенный был, вот Менькович и наезжает туда время от времени.

Впрочем, особо про Меньковича бургомистру сказать было нечего. Как понял Оболонский, родственник Тройгелонов местные власти не жаловал, а попросту говоря, совсем игнорировал. Ходили слухи, что это человек весьма крутого нрава, нетерпимый и высокомерный, однако так ли это, или то говорит уязвленное самолюбие Сигизмунда, гостю было

неизвестно.

И про замок на болотах, где нынче проживал Менькович, ничего толкового Рубчик не сказал. Вы, Ваше благородие, коли подобного рода истории любите, так я Вам архивариуса нашего пришлю, он большой любитель старины. Легенда там какая-то была, про ведьму, что ли? Я так и не упомяну. Да и не про замок, кажется, – смущенно откашлялся бургомистр.

Сигизмунд, осознавая себя едва ли не единственным проводником культуры и просвещения в эти захолустные места, больше всего боялся, что его, трезвомыслящего и просвещенного человека, заподозрят в суевериях, вере в глупые дикие сказки и предания и потаканию низменным страхам, и не подозревал, что эти самые сказки гостя интересуют не меньше, чем обстоятельства смерти отставного полковника.

...Дочь Сигизмунда негромко фыркнула, явно обращая на себя внимание. Пока семейство Рубчика числом пять человек (сам, его унылая покорная жена, которой по случаю жары явно нездоровилось, дочь и два робких сына лет тринадцати-четырнадцати) сидело за обеденным столом, девушка, затаив дыхание, молча пожирала глазами красавца-гостя, не смея вступить в разговор. Пышнотелая, круглолицая, краснощекая Ванда по случаю необыкновенного события была так туго затянута в корсет, что едва умудрялась дышать, где уж тут говорить?

Однако стоило только отцу и гостю встать из-за стола и перейти в гостиную для послеобеденной рюмочки наливки,

как девушка не утерпела. В маленьком провинциальном городке такое событие, как появление молодого графа, тем более запросто расхаживающего по гостям, было событием вселенского масштаба, и девушка, хотя бы не попытавшаяся привлечь к себе внимание богатого красавца, прослыла бы последней дурой, а вот именно дурой Ванда себя не считала.

– Ну уж, папенька, Вы и не помните, – фыркнула девушка, в лучших традициях светских салонов обмахиваясь веером, – Да тут каждая собака про Бельку из Башни знает!

– Ванда! – в ужасе всплеснул руками бургомистр, – Его Сиятельству совсем ни к чему эти твои дремучие сказки.

– Отчего ж? – змеисто улыбнулся Оболонский Ванде, приглашая к разговору, – С удовольствием послушаю.

Но Сигизмунд не дал дочери и слова вставить:

– Глупости все это, – отрезал он, грозно зыря на Ванду. Девушка обиженно поджала губы, но с места не сдвинулась. Бургомистр перевел взгляд на гостя, вопросительно приподнявшего безупречную бровь и терпеливо ожидающего «дремучей сказки», и в конце концов пошел на попятную:

– Ну так уж и быть, я сам расскажу. Однако ж, господин Оболонский, не судите строго, это только старинное предание, правды в нем мало. Сказывают, лет двести назад...

На самом деле Сигизмунд втайне гордился историей этих мест. В Звятовске легенд было мало, по большому счету лишь одна-единственная, но это была ужасная местная легенда, своя собственная, родившаяся на плоти и крови здеш-

них мест. Да уж, именно плоти и крови, страшная и захватывающая дух история. Бургомистр гордился, ибо должна же здесь быть хоть одна достопримечательность? О да, с пережитками прошлого надо бороться, сиятельный граф может не беспокоиться и не считать местные власти столь суеверными, и все-таки... И все-таки просвещенный бургомистр гордился легендой, как гордятся уродливым, зато собственным дитятей.

Говорил Сигизмунд долго и со вкусом, перемежая речь таким витиеватым слогом, что Оболонский иной раз с трудом продирался сквозь дебри его словес, стараясь отыскать смысл. Но смысл был. Вся история свелась к следующему.

Один из непокорных потомков Гедимины женился на простолюдинке, девушке красивой и гордой, зато без роду-племени. Великокняжеская семья не стала вроде бы препятствовать, однако молодого Яничу с женой от двора отослала, подарив отдаленный замок на южных поляских болотах. Те подарок приняли, в ссылку уехали без ропота, но от честолюбивых планов не отказались, намереваясь через года два-три вернуться с наследником и заявить о своих правах уже на других условиях.

Но Бог им сына не дал. Ни сына, ни дочери. Никого. А хотелось. Два раза жена молодого Яничу была на сносях и два раза теряла ребенка далеко до срока. С каждым годом чернокудрая красавица Любелія все больше теряла терпение, приходя в отчаяние не только от отсутствия детей, но и по-

тому, что муж постепенно охладевал к ней, а с тем надежды на рожденное здоровое дитя и на столичную жизнь становились еще призрачнее. Она стала пробовать всякие средства – и травы пила, и в паломничество на святой источник съездила, но, когда местные знахарки, перепробовав все дозволенные в этом деле средства, присоветовали ей просто ждать, молиться и уповать на Бога, терпение Любелии закончилось. Ждать она не желала. Только не она.

Стала Любелия искать способы помимо дозволенных. Кто ее надоумил, кто помог, о том легенда умалчивает, однако стала красавица от отчаяния черным колдовством баловаться. И каким! Самым что ни на есть мерзким! Поначалу ей даже забавно было, нестрашно, то попробует да это, но в конце концов дошла до того, чтобы пить кровь – нашлось такое поверье, что помогает живая кровь, особым образом заклиная, живое то ли возродить, то ли зародить. Сначала, по слухам, кровь животных пила – бычью, волчью, даже медвежью. Для нее со всей округи зверя сгоняли, живые волки у нее в клетках томилась. А потом и этого мало ей показалось, за людей взялась. Как считали, то дело рук одного грума, что был у нее на особом доверии – он для нее людей похищал или силком приводил.

Мало-помалу втянула Любелия в свое колдовство и мужа, и челядь. Так окрутила, что те даже не подозревали, что околдованы. Белька, как говорят, к тому времени совсем умом тронулась, ведьмину силу за собой почуяла страшную,

лютую, что власть дает непомерную. Кто ж от такого откажется? А дитем все равно бредила.

Но как бы она ни скрывалась в своем замке посреди болот, а долго незамеченным ее злодейство не осталось. Волчий вой, как говорят, ведьму выдал, страх и ужас, что сеяла она вокруг себя. Скрутили ее всем миром, уж больно люди злы на нее были, чуть не порешили осиновым колом, да муж вступился – хоть безумная, да все ж душа живая, говорит, а вдруг прощение у Бога вымолит? Посадили ее в башню, что на Белом озере среди воды и поныне стоит, да заперли там под присмотром. Там она и померла спустя несколько лет, тихо и мирно, как сказывают. А башню с тех пор Белькиной кличут.

Сигизмунд еще долго разглагольствовал о том, сколько дремучих тайн хранят здешние места и сколь необходим им свет просвещения, плавно переходя к общим нуждам образования и куда более частным, текущим проблемам единственного на всю округу звятовского училища, которому финансирование урезали до немислимой малости, так может сиятельный граф поможет хотя бы с ремонтом крыши?

Раскрасневшаяся Ванда с трудом удерживалась, чтобы не разбранить папеньку в присутствии гостя, красноречиво вращая глазами, нервно комкая веер и постукивая им по крышке уродливого орехового комода, пытаясь привлечь отцовское внимание, да тщетно.

Оболонский же рассеянно кивал, чем приводил бурго-

мистра в неопиcуемый восторг и повергал разворачивать дальнейшие планы по благоустройству города. Правда, согласие гостя имело другие причины – тот старался понять, сколько правды в старой легенде и как она могла повлиять на сегодняшние события, однако Сигизмунду об этом было невдомек.

Рассказанное предание Константина не впечатлило – история как история, бывало и пострашнее. Впрочем, хозяин постарался сделать повествование настолько в стиле светских салонов, что истинный дух легенды выветрился, оставив лишь намеки на ужас, царивший в те времена. И все-таки рассказ заставлял задуматься. Во-первых, над странным поведением инквизиторов, так легко согласившихся с доводами мужа, которого долгое время держали под чарами. Во-вторых, над тем, как умерла ведьма. Тихо и мирно? Так не бывает, ведьмы так не умирают.

– Вы хорошо знали Матильду Брунову, сударыня? – неожиданно спросил Оболонский, разворачиваясь в сторону Ванды.

Девушка еще пуще покраснела, приоткрыла рот в полном ошеломлении от внимания, наконец-то направленного исключительно на нее, ...и тут же захлопнула его, как дверцу мышеловки.

– Да она ни с кем особо не зналась, – манерно сказала Ванда, обмахиваясь веером с такой скоростью, что будь она весом поскромнее, явно взлетела бы.

– Вам она не нравилась?

Ванда лихорадочно облизнула сочные губы и ответила, не скрывая неприязнь:

– Ах, не говорите про Матильду, – передернула она пышными, почти выскакивающими из плотно обтягивающей ткани плечами, – Кому она могла нравиться? С ее характером только жеребцами и править...

– Ванда! – с ужасом воскликнул Сигизмунд, столько времени пытавшийся увести разговор подальше от Брунова, или хотя бы нелестных оценок о его семействе...

Глядя в ничего не отражающие, до безобразия вежливые и холодные глаза Оболонского, Ванда вдруг поняла, что ей нестерпимо хочется утопить мерзавку в навозе – подумать только, Матильда даже не знакома с этим красавцем-графом, а он все равно больше интересуется этой стервой, а не ею, девицей добропорядочной и честной!

– Так Вы хотите знать о Матильде? – девушка недобро улыбнулась и бросила мстительно-едкий взгляд на папеньку. Тот умоляюще закатил глаза, – А она шутницей была. Бо-о-льшой шутницей. Хотите, господин граф, расскажу про ее шуточки? Михал Редянин, сын помещика Редянина, прислал как-то к ней сватов. Заранее уговорились, сваты, как полагается, доехали до ворот бруновского имения, а дальше, глядь, а на статуях, что у ворот... Там дюжина статуй стоит, видали? Так на головах тех статуй гарбузы нахлобучены с прорезанными дырками. Вам то, может, и невдомек, гос-

подин граф, а только у нас это отказ жениху означает. Бесчестный отказ, так только тупые селянки делают, когда опозорить хотят. Сваты как гарбузы увидели, так даже и въезжать не стали, тут же назад и завернули. И это не все. Статуи те девками да парнями оказались, голыми, да краской белой выкрашенными. Так они за возком сватов чуть не до моста бежали с хохотом и улюлюканием. Все гарбузы об возок разбили. Так что ежели захотите, господин граф, сватов к ней засылать, вспомните об этом. Михал до сих пор на люди появиться не может, все прячется у отца в доме.

– И часто она так развлекалась?

– Вы про женихов или про статуи? – Ванда вцепилась пухлыми пальцами в веер, угрожающе затрещавший, и неожиданно хихикнула, – Со своими новыми дружками она и не на такое была способна.

– Новыми дружками?

– В последний месяц Матильда часто бывала в обществе дружков Меньковича, что наезжают в город время от времени. Вы хотите знать, как они развлекались?

– Доставляют хлопот? – спросил Константин бургомистра.

– Не то слово, – простонал Сигизмунд, растроганный неожиданным участием гостя, – Не то слово.

Глава вторая

На следующее утро Оболонский нашел неизвестных «со-служивцев», красноречиво наследивших в доме Брунова, в местечке Заполье, что расположилось в десятке верст южнее Звятовска, как раз на краю обширной Вышовской пущи, с севера и запада огибающей болота.

У колодца перед местным трактиром (шумному и многолюдному не в пример звятовскому, ибо предприимчивый трактирщик озаботился охладить пиво в леднике) плескался обнаженный до пояса молодой парень, громко хохоча и фыркая каждый раз, когда краснощекая загорелая молодка окатывала его из ведра студеной колодезной водой. Парень был золотоволос, высок, худ, жилист и гибок, как хлыст. Но Оболонского заинтересовал не он, а человек, стоявший рядом.

Привалившись боком к колодезному журавлю, стоял молодой мужчина лет двадцати трех и с удовольствием наблюдал, как парень извернулся, зачерпнув полные горсти воды, и забрызгал ею служанку; та притворно завизжала, хлеща юношу мокрым передником. Сощуренные голубые глаза мужчины искрились смехом, светлый чуб непокорных, чуть влажных волос упал на лоб, тонкие губы в обрамлении аккуратной золотистой бородки изогнулись в улыбке. Он был спокоен и безмятежен. На площади перед трактиром сновало

десятка два человек, кто шагом, кто бегом, кто лениво, кто с окриками, то ведя в поводу лошадь, а кто препираясь со слугами. Жизнь как жизнь.

И тут взгляд светловолосого мужчины насторожился, стал жестким и льдистым – он увидел Оболонского, медленно подъезжавшего к колодцу.

Как по команде, доселе плескавшийся юноша замер, выпуская из объятий жеманничающую служанку, бросил встревоженный взгляд на мужчину. Остановился и здоровенный детина, поправлявший подпругу чуть поодаль; бережно поставил плотно набитый тючок на сухую землю рядом с телегой аккуратный невысокий сухонький старичок. В дверях трактира статуей застыл верткий смуглявый мужичонка лет под сорок, с его лица медленно сползала похабная улыбочка, глаза маятником забегали с одной застывшей у колодца фигуры на другую, а рука покрепче сжала массивную пивную кружку. Сзади на него налетел еще один...

Оболонский медленно обвел всех глазами. За пару секунд из толпы любопытствующих он умело выделил тех, кто был связан с мужчиной у колодца. И лишь очень внимательный человек смог бы заметить в его безмятежном взгляде вызов.

– Я разыскиваю господина Кардашева, – негромко и спокойно сказал он, не глядя в сторону колодца, но все же спешиваясь.

– И кому ж это он понадобился? – не удержался от ленивого сарказма голубоглазый блондин.

Константи неторопливо представился.

– Оболонский? – не сумел скрыть неприязненного удивления молодой мужчина, – Я слышал о Вас. Что же привело столь знатную особу в эти глухие края?

– Возможно, я задал бы такой же вопрос, если бы знал, с кем говорю, – холодно заметил Оболонский.

– Капитан-поручик Герман-Александр Кардашев к Вашим услугам. Итак, зачем я Вам понадобился?

Оболонский легонько щелкнул по носу своего коня, рвущегося к воде, отпустил поводья и спокойно повернул голову, наблюдая за тем, как настырно и нагло животное отталкивает полуобнаженного парня, до сих пор молча стоявшего у полупустого ведра. Взгляды пятерых человек буквально сверлили дырки в фигуре прибывшего.

– Давайте-ка, капитан-поручик, не будем ходить вокруг да около. Я приехал сюда по просьбе отставного полковника Арсения Брунова. А вы?

– Так мы тут отдыхаем, – насмешливо боднул светлосоловой головой Герман, сдувая непокорную прядь со лба, и улыбнулся во весь рот, – девок щупаем, пивом наливаемся...

Оболонский молчал и ждал.

– Пожалуй, и вправду не стоит ходить вокруг да около, – неожиданно миролюбиво улыбнулся Кардашев, пошарил по нагрудным карманам и достал порядком измятую бумагу, перетянутую столь же измятой красной лентой, – Служба нас прислала.

– Служба? – как будто удивился Оболонский.

Герман скривился от столь явной лжи.

Оболонский рескрипт взял. «Сим подтверждается... на особой службе Его Императорского Величества Кирилла... Обер-канцлер Окатышев». Размашистую подпись Окатышева Оболонскому видеть доводилось, вот только не ожидал, что увидит ее здесь, в этих краях.

Как раз в том, что Кардашев и его люди из Службы, он не сомневался. Уж больно знакомые черты проглядывали в поведении людей Кардашева. Было в согласованности их действий поразительное подобие сплоченности волчьей стаи, готовой мгновенно броситься по следу и по малейшему знаку вожака вцепиться в глотку противника. Цепкий взгляд Оболонского сразу же отметил скорость реакции, с которой внешне нетрезвый человек оценил обстановку и замер в дверях трактира, мгновенно перехватывая пивную кружку так, чтобы можно было использовать ее как оружие. Заметил и обманчивую расслабленность мускулатуры парня у колодца, вроде как чуть пригнувшегося к венцу, однако просто удобно сгруппировавшегося и готового в любой момент прыгнуть. Заметил и мимолетный рубящий жест самого Кардашева – короткий взмах ребром ладони, после чего его люди заметно расслабились... Он все заметил. Банда? Нет, взаимоотношения не те. Не было в них ни страха, ни агрессии. Они были уверены в себе. Так могут поступать только люди, сплоченные одним делом, но ограниченные долгом, скованные

строгой дисциплиной и подчинением, но всегда ощущающие за спиной мощь власти и государства, их пославшего. На ум приходила только Служба, полувоенное образование со вполне определенными задачами, и привлечь их мог только слух о распоясавшихся бестиях, в данном случае – оборотне.

Была только одна загвоздка – звятовские леса и болота принадлежали Конкордии, а Службой ведал сам российский Император.

– Что же делают люди из Службы на землях другого государства? – меланхолично заметил советник, возвращая бумагу.

– Бросьте, Оболонский, мы только хотим помочь, – досадливо сморщившись, бросил Герман, – Вы же знаете, что здесь происходит.

– Нет, не знаю, – равнодушно ответил Константин, – Но узнаю. Без вашей помощи.

– Мы не уедем, Оболонский, – быстро ответил Кардашев и в его голосе проскользнули угрожающие нотки, на что Константин лишь приподнял бровь:

– Мне достаточно только кликнуть войта...

– А Вы уверены, что кто-нибудь из тех, кто силой попытается выдворить нас отсюда, останется жив? – Кардашев хмуро и недобро улыбнулся, а парень у колодца вновь напрягся и подался вперед.

– Вы забыли обо мне, капитан-поручик. Хотя мы и в Кон-

кордии, однако далеко не в Трагане. Не знаю, что Вы обо мне слышали, но я не так безобиден, чтобы сносить оскорбления. Мне не нужна ваша помощь.

– Ладно, ладно, – Кардашев выставил руки ладонями вперед в жесте несомненного согласия, – Полагаю, мы могли бы договориться. К чему Вам заниматься такой мелочью, как оборотни? Предоставьте это нам. Не хвальнось, скажу, что у нас это получится и быстрее и лучше. Мы не причиним беспокойства ни местным властям, ни Вам лично.

– Почему?

– У нас есть причины оставаться здесь.

– Какие же?

Герман медлил, собираясь с ответом.

Тут бы Оболонскому пожать плечами, мол, какая разница. Раз есть люди, которым на роду написано воевать с нечистью, вот пусть этим и занимаются – из России ли они или из Конкордии. Случай-то и вправду не по его рангу – воевать с бестиями он не приучен, хотя при случае мог бы. Пусть бы Кардашев со своими людьми и делал дело, Константину же только и оставалось, что греться на солнышке да сливки снимать. В случае успеха в Трагане можно о роли Кардашева и не упоминать.

Только вот был у Оболонского один существенный недостаток – он никогда не прятался за чужой спиной. И дело, даже самое незначительное, всегда доводил до конца. Даже когда ему очень этого не хотелось, когда необъяснимая ханд-

ра скручивала в узел нервы и заставляла рычать на окружающих.

А еще он не терпел лжи. Наверное поэтому чуял ее за версту. И сейчас он совершенно точно знал, что Кардашев собирается соврать, и это очень не нравилось советнику. Что ж, раз лжи не избежать, пусть это будет грамотная и продуманная ложь.

– Я собираюсь навестить тут кое-кого, – прежде, чем Герман вымолвил хоть слово, сказал Оболонский, – К вечеру надеюсь вернуться сюда, если вы остановились в здешних «номерах». Надеюсь, Вы сможете объяснить мне все толком?

Взлетел в седло и ускакал, ни разу не обернувшись. Это случилось так быстро, что Кардашев не успел и рта открыть. Его люди молча проводили бодро умчавшегося прочь советника, неожиданно свалившегося им на голову, донельзя угрюмыми взглядами.

– Ты знаешь его, Герман? – недоверчиво-неприязненно спросил тридцатилетний крепыш, последним вышедший из трактира, – Кто это?

– Заноза в нашей заднице, – буркнул Кардашев, отворачиваясь, – Оболонский – маг. Дипломированный тауматург. По слухам, сговорчивостью не отличается. Вы и сами это видели.

– Тауматург? – задумчиво повторил аккуратный старичок, – Это что же привело сюда настоящего тауматурга? Не того полета сия гордая птица, чтобы всякой мелкой мошка-

рой питаться.

– Вот и я о том, – уныло подтвердил Кардашев.

Магия существовала всегда, но не всегда была желанна.

Когда в пятнадцатом веке один уважаемый греческий монах вывел основные законы магии и постулаты исцеления на основе нефизических явлений, это не принесло ему счастья в жизни, ибо его обвинили в ереси и сожгли на костре. Но его открытие полностью изменило историю Европы. И спровоцировало начало Темных веков. Однако постепенно приходило и понимание того, что в магии, или тауматургии по-научному, нет ничего противоестественного и противного Богу, если ее законы столь же постоянны, как и любые другие физические. Понадобилось почти полтора века, чтобы общественность задумалась над преимуществами нового вида деятельности, чтобы общие магические постулаты стали законами жизни, а церковь определила, что эти самые законы магии не менее непреложны и постоянны, чем обычные физические законы. Люди, способные пользоваться силами магии в любой степени, перестали быть изгоями, они даже стали нужны. Их ничуть не перестали бояться, но перестали видеть в них нечто непостижимо-страшное, даже несмотря на то, что использовали они силы, неподвластные большинству.

На самом деле магию практиковали всегда. До середины пятнадцатого века полными обладателями тайн магического мастерства были колдуны и ведьмы, с середины пятнадцато-

го до середины шестнадцатого (Темный век, или века, если уж следовать любящей драматизировать любое явление человеческой истории) инквизиция пыталась уничтожить магию вместе с теми, кто ее практикует, но не смогла, а только сильно проредила ряды традиционных магов, благодаря чему примерно с середины шестнадцатого века началось победное шествие тауматургов, магов новой эпохи, быстро и весьма ощутимо продвинувшихся в магическом искусстве благодаря разуму и науке. Новый вид деятельности особенно востребован оказался в кругах высшей знати, ибо кто, как ни маг, поможет низложить соперника, усмирить чернь или устроить козни против более сильных и удачливых врагов? Магия стала неременным спутником власти. Власть стала гордиться магами, которых пригревала, и они отвечали ей тем же. Ибо маги нынешней эпохи, тауматурги, в отличие от привычных ведьм и колдунов, или феров, были другими по сути. Они препарировали магию, бестрепетно вырезав из самого ее сердца таинственность и оставив прозаичную химию, физику и геометрию. Они разложили невероятно сложные магические процессы на составляющие, описали их и составили свои рецепты приготовления магических действий. Заклятья превратились в научно обоснованные формулы, а чудодейственные снадобья – в аптекарские коктейли и химические эликсиры. Само же чудо стало строго дозированным, измеряемым, разумно объясняемым и не менее привычным, чем разряд молнии – страшно, но объяснимо.

Впрочем, традиционных магов – феров, как полупрезрительно называли их тауматурги (от латинского «ferus», дикий), новые веяния не заставили отказаться от своих верований, традиций или магических путей. Скорее наоборот. Феры по-прежнему существовали и им явно не грозило вымирание. И большей частью причиной было то, что дипломированные тауматурги редко простирали свои бесстрастные взоры на мелочи, вроде болезней, родов, порчи урожая соседа, падежа скота, маленьких любовных хитростей, подобно отвороту и привороту, удачи в делах или дороге и прочего.

Так что пусть тауматурги были творением науки, логики, разума и города, но их было меньшинство. А большинством по-прежнему оставались феры – колдуны да ведьмы, следующие своей многовековой традиции и живущие где-то в сельской глуши подальше от прогресса. И пусть навевать ужас на соседей и держать в тисках провинцию так, как это было прежде, им уже не удавалось, они все равно оставались силой. Им принадлежали бескрайние просторы провинции, где они могли править с почти безраздельным величием.

...И то верно, что делать дипломированному тауматургу в такой глуши?

Оболонский мягко покачивался в седле, под ритмичный перестук копыт по полочкам раскладывая то, что ему удалось узнать за день. Еще вчера его единственным желанием было поскорее разделаться с этим заурядным делом и уехать

из Звятовска, от его липких провинциальных разговоров и приторных взглядов. Будь Константин менее дотошным и обязательным, он сделал бы это уже утром. Но теперь он должен был довести дело до конца. Должен был все проверить. Сам. Если Брунов ошибся, Оболонский не побоялся бы доложить канцлеру Аксену, что его старинный приятель, мягко говоря, заблуждался. Но ошибся ли он? Не проверив все досконально, Константин не торопился с выводами, даже если эти выводы были очевидными.

И встреча с Кардашевым заставляла задуматься. Что потеряла в этих местах российская Служба? Почему ее привлек рядовой оборотень, или нет, не оборотень, а только еще слухи об оборотне, но она выслала на его поимку в чужие края целый отряд? Кардашеву известно гораздо больше? Несомненно. Только о чем? Его интерес наверняка связан с пропавшей Матильдой, иначе зачем было приходить к Брунову?

До встречи с Кардашевым Оболонский почти уверился в том, что исчезновение девицы ничего общего с оборотнем не имеет. Он не слишком утруждал себя раздумьями и вполне разделил мнение бургомистра и тех болтливых горожанок, с которыми успел пообщаться, о банальном бегстве дочери Брунова с каким-нибудь молодым человеком. Правда, поговаривали еще и о разбойниках, и о происках врагов самого Брунова. Но Оболонский знал то, о чем досужему обывателю не было пока известно. По словам старухи-экономки, из гардероба Матильды исчезли некоторые вещи, так, немного,

на первый взгляд, незаметно, но ни драгоценности, ни запасная одежда, ни шкатулка с документами явно не нужны были девушке на конной прогулке в разгар жаркого летнего дня. Дочь Брунова явно знала, что вернется не скоро. Похоже, она сбежала или собиралась сбежать.

Но зачем-то же приходил Кардашев к Брунову? Не из-за страсти же к его дочери, хотя и такое нельзя исключать? При чем здесь Служба?

Оболонский не тешил себя надеждой выведать все это у самого капитан-поручика. Наверняка тот окажется крепким орешком, причем не слишком правдивым «орешком». Так что правду придется искать самому. И начинать нужно было именно с Матильды: найдется девица или ее след – станет понятнее роль Кардашева в этом деле.

За неимением других версий Константин придерживался общепринятого мнения – сбежала с кавалером. Ее-то он и намеревался проверить, а для начала стоило навестить господина Меньковича в его имении на болотах, поговорить с его людьми или хорошенько поспрашивать на дорогах.

С этим было более-менее понятно. И магу здесь явно делать нечего.

С оборотнем было сложнее. Если это не выдумка, не умело пущенный слух, прикрывающий чьи-то темные делишки, и не чья-то глупая выходка с целью понаслаждаться произведенной паникой (а такое тоже редкостью не было), то с появлением оборотня в звятовских лесах следовало считать-

ся. Оборотни не были редкостью, они могли годами жить среди людей и сохранять свое инкогнито, тщательно пряча свою вторую сущность, обычно охотились на животных и очень редко – на людей, а потому чаще всего об их существовании обыватель и не подозревал. Вопреки сложившемуся мнению, обычные оборотни не агрессивны и полностью зависят от фаз луны. Совсем другое дело, если бестии срываются в гон... вот тогда они начинают убивать всех подряд. «Всех подряд» – это не только маленькие дети, с отвращением думал Оболонский, «всех подряд» – это кровь, ошметки человеческой и звериной плоти, вонь и трепещущий в эфире ужас. Избирательностью обычный оборотень не страдает, ибо если он типичен, то будет искать жертвы по принципу «подоступнее-поскрытнее», а если атипичен, то есть «сорвавшийся» – будет драть любого, кого ни встретит. Так что приписывать ему похищение детей в звятовских лесах было бы по меньшей мере необдуманно.

Существование оборотня само по себе злом не было. До тех пор, пока бестия не выходит за рамки отведенной ей природной ниши, пока не охотится на людей, она неприкосновенна – это элементарный и непреложный закон сосуществования людей и бестий. И Оболонский хорошо представлял себе границы, в которых мог действовать.

Пока же никаких следов сорвавшегося оборотня не обнаружилось. Да и вообще кроме таинственных слухов, большей частью из письма Брунова и рассказов бургомистра, и

смутного ощущения страха, окружившего Константина в лесу, ничего стоящего внимания не нашлось.

Если бестия все же найдется и она охотится на людей, то Оболонский мог бы при определенной подготовке ее обезвредить – его магических умений хватило бы на это. Или известить Особую канцелярию конкордской правительницы и ждать помощи – таков устав. Но помощи ждать придется в лучшем случае три дня. Разумно ли это, когда под рукой специально обученный отряд Кардашева? До чего ж кстати оказался здесь этот отряд! Это-то и подозрительно.

Такие мысли неспешно крутились в голове Оболонского, пока он ехал к Меньковичу на болота. Дорога оказалась на удивление ухоженной. Заметно было, что ее постоянно чинят и подновляют, а жара и невероятная сушь нынешнего лета, похоже, сделали эту работу совсем необременительной.

Оболонский не был любителем болот и не понимал тех, кто находит прелесть в бескрайних плоских равнинах, кое-где разбавленных деревцами да кустарником. Впрочем, надо отдать должное, Синявские болота были не из тех, что вселяют ужас замшелыми корявыми стволами, торчащими из зловонно пузырящейся черно-зеленой мути, напоминая худшие кошмары или страшные детские сказки. Само собой разумеется, в здешних местах были и глубокие трясины, «проравы», как их здесь называли, и омертвевшие деревья, но возвышавшуюся песчаной насыпью дорогу, ведущую на юг, в глубь, окружали совсем другие пейзажи: разливанное мо-

ре трав, между которыми серебристыми рыбками поблескивали обмелевшие озера, бесконечные родники-крынички, ручьи и речушки, невысокие холмы с живописной купкой крепких деревьев, шапки кустов, царящие над камышовой зарослью... Здесь была своя красота. Тот, кто хотел ее видеть – видел. На тихой поэтике этих мест отдыхал взгляд. Однако мага это мало привлекало. Его занимала задача, с которой не терпелось поскорее расправиться. Какой смысл терять время на бессмысленное разглядывание сомнительных красот?

Лошадь шла споро, и все равно дорога к имению Менюковича заняла несколько часов. Солнце встало в зените, когда Оболонский увидел вдали крышу какого-то строения в центре густо посаженных деревьев – дорога ныряла именно туда и терялась в темноте их крон. Четкая граница, равное расстояние между стволами – все говорило о том, что впереди не лес, а парк. В былые времена искусный садовник немало поработал над кронами росших вдоль дороги лип: ветви, росшие внутрь, тщательно обрезались и отводились, тем самым образуя аккуратный полукруглый тоннель над дорогой. Но то было слишком давно, а сейчас липы выглядели неухоженными, и их молодые ветви норовили царапнуть неосторожного путника зеленым когтем. Ограждения не было, да и к чему оно в этой несусветной глуши? От кого хорониться?

Только Оболонский подумал об этом, как услышал дробный перестук копыт, а спустя несколько минут ему на-

встречу из полутьмы тоннеля, образованного смыкающимися вверху кронами лип, выехали двое всадников. Одежда да и весь облик прибывших говорили о том, что это не простые слуги, и уж тем более не кметы.

Минутное молчание, в течение которого и гость, и встречающие пристально разглядывали друг друга, нарушил один из прибывших, молодой и вызывающе одетый франт.

– Это частное владение, милсдарь, – гнусаво и надменно сообщил он, – и его хозяин не желает никого видеть.

– Зато я желаю, – спокойно ответил Оболонский, пожимая плечами, – Полагаю, он с моим желанием согласится.

И странное дело, вроде не сказал человек ничего особенного, а едва заметные акценты сразу все расставили по местам: и его собственную значимость, и годность тех, кто его встретил. Невысказанный, но слишком явный намек на незначительность тут же разозлил гнусавого.

– Вот как? – взорвался молодой шляхтич, приподнимаясь на стременах в опасной близости от Константина, – А железкой под ребра не хочешь?

– Тихо, тихо, – вдруг сказал второй, мужчина лет пятидесяти, седоватый и большеголовый, куда более представительный, умный и опытный, чем его молодой напарник, – Кто ж ты таков будешь, мил человек, если лезть на рожон не боишься?

– Советник по особым поручениям Особенной канцелярии Иван-Константин Оболонский.

– По особым поручениям? – задумчиво постукал хлыстом по руке шляхтич, что постарше, оценивая разглядывая гостя, – Что ж, господину Тадеушу Меньковичу наверняка есть о чем поговорить с княжеским посланником.

Последние два слова были сказаны тоном на грани оскорбления, однако придраться было не к чему. Не успел Оболонский задуматься над подтекстом, как молодой франт презрительно и демонстративно фыркнул и тут же замялся под грозным взглядом старшего.

– Езжай-ка, Гордей, предупреди, что господин Оболонский пожаловал. А мы... мы пока побалакаем дорожкой.

Первые несколько минут прошли в задумчивом молчании, в тишине, нарушаемой лишь неторопливым цокотом копыт да пением птиц.

Угрозы молодого шляхтича Оболонского не удивили: мелкая знать всегда шепетильно относилась к оскорблениям, и то, что тот угрожал, даже не узнав с каким делом прибыл советник и не станет ли сегодняшний противник завтрашним господином, говорило как о его глупости, так и о вере собственную неприкосновенность. Однако куда больше сказало простое фыркание и то, что слышалось между слов речи старшего. Не слишком-то мы боимся княжеской власти, здесь она нам не указ. Ну да ладно, посмотрим, с чем господин хороший пожаловал...

А вот это наводило на раздумья.

– Так какое дело привело настоящего советника по осо-

бым поручениям в эти края?

– Дело? Помилуйте, кто говорил о делах? – услышав насмешливые нотки в голосе попутчика, Оболонский усмехнулся и не смог сдержаться, хотя и понимал, что издевка отнюдь не поможет ему в поисках ответов по делу Брунова, – То не дело, так, сушная безделица. Думаю предложить господину Меньковичу открыть заводик по производству лягушачьих ножек. Слышал я, в здешних болотах лягушки подходящие. Больно упитанные. Молодые да глупые.

Седовласый долго молчал.

– У нас на болотах не только лягушкам раздолье, – наконец произнес он, тяжело и мрачно, совершенно не скрывая угрозы, – Любому путнику нужно быть осторожным, а не знакомому с тропами – особенно. Мало ли что может случиться?

– Правда? И что же? – спросил Константин, с интересом оглядываясь кругом – путники выехали из парка и приблизились к невысокой стене, окружающей дом и хозяйские пристройки.

– Иной раз люди исчезают бесследно, господин советник, настолько бесследно, что даже пряжек от столичных туфель не остается. Что поделаешь, болота – это вам не Высокий бульвар в Трагане.

Оболонский бросил насмешливый взгляд на седовласого провожатого и проехал в арку высоких ворот, распахнутых настежь. Поодаль слева, за стволами сосен и кленов, у длин-

ного приземистого здания, напоминающего конюшню, толпилось десятка полтора человек. Кто верхом, кто рядом с лошадью, они проводили удивленными взглядами новопривывшего, негромко переговариваясь между собой. Для прислуги держатся слишком раскованно, одеты хорошо – добротно, иные даже и богато. Все вооружены, и оружие выставлено напоказ. Явно местная знать, пусть не столь высокородная, как сам хозяин здешних мест, зато гонор имеющая.

На широких ступенях у парадного входа стояла женщина. Светловолосая, гладкая, холеная, с крупными белыми руками и высокой грудью, выгодно подчеркнутыми открытым синим платьем, она наблюдала за прибывшим с легкой, ничего не значащей улыбкой, как королева наблюдает за казнью приговоренного ею человека. Надменно. Равнодушно. Осознавая свою силу и власть.

Она смотрела почти все то время, что Оболонский спешился и пересекал широкий двор, но еще до того, как он достиг ступеней, развернулась и ушла, не сказав ни слова.

Поодаль справа послышался скрежет давно не смазываемых петель двери, Константин повернул голову на звук. Почти скрытая деревьями и беспорядочным нагромождением кустов за правым крылом здания стояла древняя башня, точнее, то, что от нее оставалось – два яруса с частично проломленной крышей. Кладка старая, не каменная, но кирпичная, с толстым слоем серого скрепляющего их раствора, что делало башню полосатой, а густая некошенная трава, выросшая у

ее подножия, придавала ей вид заброшенной и забытой – если бы не тоненькая тропка, проложенная к ней. Башней явно кто-то пользовался, однако хозяин дома подновлять ее не спешил. Да и домочадцы наверняка избегали приближаться к ней.

Из скрипучей двери вышел человек, озабоченно и хмуро потоптался на месте, пристально и как-то болезненно-подслеповато глядя вслед уходящей женщине. Пошел дальше, к крылу господского дома. Мимоходом обернулся, бросил рассеянный взгляд на Оболонского. Не узнал...

Константин не рад был его видеть. Особенно здесь. И сразу же осознал, что вот теперь, в это самый момент, заурядное провинциальное дело перестало быть таковым – заурядным и провинциальным.

Оболонский дожидался хозяина дома добрых полчаса. Гостиная, куда его отвели, впечатления не производила: выцветший, когда-то аляпистый ситец на стенах, старая мебель, давно нуждающаяся если не в кардинальной замене, то хотя бы в починке, скрипучие паркетные полы, половина плашек которого следовало просто выкинуть, медные свечные светильники, которые не чистились со времен царя Гороха. Впрочем, большая часть того, что Оболонский увидел в этом старинном двухэтажном особняке, было такое же – дряхлое, старое, отжившее. По словам бургомистра, Менюкович приехал сюда месяца четыре назад и за это время су-

мел слегка подновить лишь часть левого крыла и жилых комнат. С остальным он не спешил – либо это его не интересовало, либо занят был чем-то другим, куда более занимательным. Чем же? И как с этим связаны вооруженные молодчики во дворе?

Менькович вошел энергичным тяжелым шагом, сразу демонстрируя себя персоной значимой и властной. Это был крупный высокий мужчина лет сорока, силуэт которого явно подпортила любовь хорошо покушать, отчего черты его лица слегка расплылись и отяжелели, а внушительное брюшко заметно перевалилось через широкий узорчатый пояс.

Константин был наслышан о хозяине дома не только от звятовского бургомистра, но лично знаком с ним не был. Родство Меньковича с Тройгелонами породило немало слухов среди конкордской знати, однако официально его лояльность правящему княжескому дому сомнению не подвергалась, а это, в свою очередь, давало слухам еще больше раздолья. Что же делает столь высокородная личность в болотной глуши, в старом заброшенном доме? То ли попал Менькович в опалу, в немилость правящей княгине, да сбежал с глаз ее долой куда подальше, то ли... прячет темные делишки? Оболонскому это было безразлично. Цель его приезда была иной.

Менькович прошел мимо, не глядя вытянув руку в сторону гостя. Константин неторопливо передал гербовые бумаги, удостоверяющие его полномочия. Хозяин вскользь заглянул

в них, отбросил в сторону, упал в кресло.

– Итак, что Вам угодно, господин советник? – хмуро, раздраженно.

– Я разыскиваю девушку, Матильду Брунову. Она пропала недели три назад. По словам очевидцев, в последнее время она часто бывала в обществе Ваших людей. Я бы хотел с ними поговорить.

– Девушку? – удивился Менькович, – Вы беспокоите меня ради какой-то девушки?

– Княжеский закон каждому дает право на защиту. Даже девушкам.

– Я не слышал ни о какой Матильде Бруновой, – хозяин дома был, похоже, слегка озадачен, даже заметный сарказм гостя его не вывел из себя, – С каких пор Особенная Канцелярия занимается пропавшими девушками?

– Она и не занимается, – холодно пояснил Оболонский, – Брунов был приятелем канцлера Аксена. Это личная просьба о помощи.

– Брунов, Брунов... Ах, Брунов! Вздорный старикашка из Звятовска! – Менькович скривил полные губы в недоброй усмешке, – Если у него была дочь, я не удивляюсь, почему она исчезла.

– Поясните, господин Менькович, – сухо бросил гость.

– От такого папаши немудрено сбежать, – неожиданно хихикнул хозяин, – Вот что я Вам скажу, советник. Вы не там ищите. Поспрашивайте местных купчишек да мещан, а здесь

Вы ее не найдете.

– Я сам решу, кого мне спрашивать и где искать.

Менькович насупился, недовольно нахмутив брови и раздраженно постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

– Вы мне перечите? – удивленно проговорил он, словно не веря собственным ушам, – Да я Аксена в порошок сотру...

Подумал. Опять нахмурился.

– Пойдите, Оболонский... Вы случайно не сын графа Оболонского? Того самого, что нагишом въехал на коляске в княжеский театр, изображая римского императора? – Менькович искренне расхохотался, – Ну я Вам скажу, и потеха тогда была!

Отсмеявшись, хозяин встал, прошелся по гостиной, искоса поглядывая на гостя, лицо которого застыло непроницаемой холодной маской. Пикантное воспоминание отлично подняло Меньковичу настроение, а тщательно скрываемое неудовольствие Константина ослабило напряжение, державшее хозяина именина с той самой секунды, когда сообщили о странном и несвоевременном визите княжеского посланника.

– Я хорошо разбираюсь в людях, – сказал он, останавливаясь напротив Оболонского и глядя ему в глаза сверху вниз, – И я чувствую, что в отличие от Вашего папаши, Вы искренний и честный человек. А потому искренне и честно советую Вам: не становитесь у меня на пути.

– Это угроза?

– Нет, что Вы. Просто дружеское предупреждение. Пожалуйста, Вы мне даже нравитесь....

– Экселянт, охота вернулась, – в гостиную без предупреждения ворвался жизнерадостный молодой человек лет шестнадцати с развевающимися темными волосами и в легкой полураспахнутой сорочке. Влетел и застыл на пороге, переводя взгляд с хозяина на гостя.

– Я занят, Лукаш, – неожиданно раздраженно буркнул Менькович.

– Да, экселянт, – расстроено прошептал юноша, поклонился, сделал несколько беззвучных шагов назад и исчез.

Оболонский улыбнулся. Легко, чуть заметно, только дрогнувшими кончиками губ. Понимающе. Предупреждающе. Меньковичу улыбка очень не понравилась. Его взгляд стал холодным и угрожающим. Пожалуй, поторопился он с облегчением...

– Так как насчет Ваших людей, господин Менькович, – Оболонский слегка склонил голову, его улыбка зазмеилась еще больше, – которые знакомы с Бруновой?

Хозяин еще несколько секунд буравил гостя неприязненным взглядом, потом громко хлопнул в ладоши. На звук примчался давешний мальчишка.

– Позови Казимира.

Несколько минут спустя, прервав тягостную тишину, в гостиную вошел уже знакомый Оболонскому седовласый. Бросив настороженный взгляд в сторону гостя, Казимир прибли-

зился к Меньковичу мягким шагом.

– Отведи его к Кунице. Пусть порасспросит о девушке, – буркнул хозяин седовласому и тут же повернулся к гостю:

– Ну как, Вы довольны?

– Вполне, – улыбнулся Оболонский и склонил красивую голову в прощальном поклоне. Менькович небрежно махнул рукой и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Черты его лица неумовимо затвердели, проявив скрытую до поры до времени склонность к жестокости.

К сильному неудовольствию Тадеуша Меньковича, гость хорошо понимал значение слова «экселянт». Так обращались к первому князю Конкордии, это уж потом на русский манер правителей княжества стали именовать «светлейшими высочествами». Оболонский и не скрывал того, какие сделал выводы из случайно оброненного обращения. Конечно, исключать то, что у Меньковича просто мания величия, он не стал, но куда вероятнее, что у хозяина болотного «замка» есть причины примерять на себя старинное обращение.

Готовился ли родичем Тройгелонов дворцовый переворот или он пока только собирал сторонников подальше от траганских глаз? Выводы из случайного обороненного обращения делать было рано, однако факт оставался фактом – властные намерения Меньковича были налицо. И теперь становилось понятным нахождение воинственного вида молодых людей во дворе имения и нежелание хозяина, чтобы этих молодых людей спрашивали княжеские посланцы.

...Куница оказался чернявым молодым человеком с наглыми темными глазами. Не без некоторого шарма, дерзкий и энергичный, Куница несомненно должен был нравиться женщинам, особенно склонным любить негодяев. Может, пока отъявленным мерзавцем он и не был, но будет, прикинул Оболонский, мельком отметив и надменную позу, и прищур глаз, и жесткие складки вечной недовольности у молодого рта.

Юноша тоже неторопливо оглядел сверху донизу подошедшего к нему Константина и перевел вопрошающий взгляд на Казимира.

– Спрашивайте, господин княжеская ищейка, – ухмыльнулся седовласый, складывая руки на груди, – Вот Ваша жертва.

– Вы знакомы с Матильдой Бруновой? – сухо спросил Оболонский.

– Почему бы и нет, – вызывающе ответил юнец.

– Когда Вы видели ее в последний раз?

– Недели три назад.

Вопросы о девушке его удивляли, но не пугали. Вины за собой не чувствует и вряд ли виновен, с некоторым сожалением подумал Оболонский. А жаль. Самодовольный юнец ему не нравился.

– Это с Вами она собиралась сбежать? – без околичностей спросил маг.

– Ну, со мной, – с вызовом ответил Куница, картинно под-

бочениваясь.

– И почему не сбежала?

– Испугалась, – неприязненно передернув плечами, надменно сказал Куница, – под папенькиным крылышком осталась.

В глазах Оболонского Матильда тут же выросла: связаться с подобным воинственным переростком было явно жестом протеста, вызовом городскому обществу, но у девушки хватило ума не зайти слишком далеко. Только вот где она сейчас?

– Я даже руки ее просил, – набычившись, вдруг неожиданно плаксиво проговорил юноша, – только этот старый хрыч и слышать не хотел.

– А Матильда, значит, с ним была не согласна? И все-таки с Вами не решилась бежать?

– Это что за намеки? Мими меня любила, – с обидой в голосе ответил Куница и рубяще взмахнул рукой, – Это все ее папаша. Я не хорош для его доченьки, а сам...

– Вы знаете, где она сейчас?

– Не знаю, – неприязненно огрызнулся тот, – Папаша, видать, куда-то отослал. Я справлялся в городе, никто не знает.

– А с самим Бруновым Вы говорили?

– Хотел, – с вызовом ответил Куница, – Три раза наезжал, а дома не застал. Прятался, ей Богу, от меня прятался, пока не помер, а я ж хотел... А, что хотел, то и хотел, – он неприязненно махнул рукой в сторону и вдруг спросил подозри-

тельно:

– А Вам-то что?

– Да вот, хочу узнать, не после Ваших ли визитов Брунов помер?

– Ах ты..., – Куница яростно рыкнул и набросился с кулаками, да Оболонский окатил его высокомерным взглядом, коротко кивнул на прощанье Казимиру, круто развернулся и ушел, нимало не прислушиваясь к перебранке между Куницей и Казимиром. Все равно больше ничего толкового узнать здесь он не сможет.

Покидая негостеприимный дом, который почему-то называли замком, хотя от замка в нем остались только два яруса дряхлой башни, Оболонский подводил итоги: визит к Меньковичу принес совсем не те плоды, на которые он изначально рассчитывал. Во-первых, о Матильде не узнал ничего определенного – увы, Куница не врал. Во-вторых, вероятнее всего, заимел личного врага, убежденного в том, что столичный чиновник прибыл, дабы раскрыть его тщательно скрываемые в болотной глуши замыслы дворцового переворота. И с учетом того, сколько незанятых рук, ног и голов болталось во дворе дома Меньковича, эти замыслы и вправду могут остаться нераскрытыми. А в-третьих, он встретил здесь человека, которого меньше всего ожидал увидеть. Даже если это не имело никакого отношения к делу Брунова, Оболонский знал, что неприятностей не избежать.

Глава третья

Конкордию могли считать сильной или слабой, умной, хитрой, беспринципной, спасительницей, чуть ли не святой, хапугой... Но в одном мнения всех и каждого сходились – это государство не было обычным. И причиной этому было пресловутое «белое пятно» и проблемы, связанные с магией.

Как только был найден способ магически подслушивать за закрытыми дверями, любые тайные переговоры переставали быть тайными. Как только маги обнаружили возможность с помощью иллюзии вводить в заблуждение даже самый коварный и изощренный ум, всякие сделки, будь то финансовые или политические, становились бутафорскими. Любой мало-мальски значимый человек вынужден был нанимать мага, чтобы оградить себя от посягательств мага противной стороны. Магов возвели не просто в почет, они стали незаменимы. И постепенно это стало проблемой самой по себе, ибо по достоинству оцененные тауматурги не желали оставаться в рамках прислуги. Они сами возжелали властвовать. Мир неуклонно стал меняться, в мире все больше и больше начинали властвовать маги и этому нельзя было воспрепятствовать.

Отдушина была найдена там, где ее искать никто и не думал. Как-то совершенно случайно обнаружилось, что в центральных землях Европы, примерно там, где находился ее

географический центр, было пятно неправильной овальной формы размером этак верст триста на триста. Удивительное свойство этих земель заключалось в абсолютной невосприимчивости к магии. Здесь не работало ни одно магическое заклинание, магические амулеты и снадобья теряли свою силу, с фальшивых денег слетала иллюзия настоящести. О домовых и леших здесь знали только по сказкам.

Над причинами такого удивительного явления ломали голову лучшие ученые умы, но ни к какому однозначному выводу так и не пришли. За два столетия тщательных изучений было ясно лишь одно – природа магии далеко не так проста, как казалось раньше.

Но объяснимо это или нет, а «белое пятно» в центре Европы существовало. Сначала никто не понял грандиозность этого открытия, однако, когда один прусский маркграф успешно провел здесь тайные переговоры с русскими князьями-заговорщиками в обход как польского короля Казимира Ягеллона, так и русского великого князя Василия II, никому не нужные земли на пути из Москвы в Варшаву сразу стали подниматься в цене. О тайном мир узнает куда раньше явного, о котором трубят на каждом углу.

Честь и хвала местным князьям из рода Любартовичей, которым испокон веков принадлежали эти земли и которые всегда стояли в стороне от дележа короны Великого Княжества Литовского! Они сумели грамотно воспользоваться ситуацией, чтобы выйти из-под влияния России, Польши и да-

же условно-независимого к тому времени Великого Княжества Литовского, подмятого западным соседом и вскоре исчезнувшего с лица земли.

Анклав сначала за глаза, а потом и открыто стали называть Конкордией, Княжеством согласия, и когда новое государство неожиданно признали западноевропейские страны, кровно заинтересованные в его необычных услугах, официально стал именоваться именно так – Княжество Конкордия. Иногда его называли Белым княжеством или Alba Ducatus, а его князя обрели небывалый политический вес. Свою славу в полном соответствии с собственным девизом: «Честь и слово нерушимое» Конкордия заработала исключительно честным трудом – она предоставляла возможность проведения разнообразных переговоров, заключения сделок и подписания любых договоров, свободных от магического подслушивания и обмана. Естественно, никто не исключал обычного мошенничества, не связанного с магией, но конкордские князья предоставляли даже такие немислимые для прожженной и лукавой Европы услуги, как проверка благонадежности партнеров. А темницы? Куда как не в Конкордию можно было засунуть провинившегося мага и со спокойной душой знать, что он не сбежит оттуда благодаря своим способностям?

Умелая и грамотная политика белых князей принесла невиданные плоды. Никто не смел оспаривать сделки, заключенные на территории Конкордии. Никому не приходило в

голову ставить под сомнение договоренности, достигнутые в его границах. Ибо каждый знал – здесь нельзя одурманить магией или склонить к обману чародейством. Доверие к княжеству росло, а с этим росли и его доходы. Спустя сотню лет самыми благонадежными и богатыми банками в мире стали считаться конкордские, и этим было сказано все.

Естественно, трудно было ожидать, что такой лакомый кусочек останется без пристального внимания соседей. И с польской, и с русской стороны было немало поползновений подмять под себя вожаделенные земли, и после не одного десятка лет непрерывных мелких стычек, войнушек и набегов Конкордия обнаружила себя солидной костью в горле. Благодаря непрерывному денежному потоку, текущему в ее закрома, она сумела нанять неплохую армию для защиты собственных границ и обучить шпионов, втершихся в доверие к высокопоставленным особам практически всех правящих европейских домов, чтобы получать свежайшую информацию о планах противника, вливать соответствующую дезинформацию и умело срабатывать между собой врагов княжества. За двести лет противостояния с внешним миром Конкордия научилась обороняться и нападать, хотя изначально ей прочили совсем иную судьбу.

Белый трон был весьма и весьма лакомым кусочком, и не мудрено, что за его обладание и удержание шла непрекращающаяся война как снаружи Конкордии, так и внутри ее. И у Меньковича, если его родословная и вправду позво-

ляла претендовать на трон Любартовичей-Тройгелонов, был очень хороший аппетит.

– Итак, господин капитан-поручик, что расскажете? – поздним вечером, когда слабая прохлада коснулась земли, Оболонский зашел к Кардашеву, – Вы придумали достаточно достоверный рассказ, чтобы я Вам поверил?

Тусклый огонь лампы с порядком подкопченным стеклом освещал мало, зато не бил настырно в глаза и позволял скрыть маленькие погрешности поведения, именно те, которые хотелось уберечь от всевидящего ока бдительного собеседника. Кардашев знал, что ему предстоит трудный разговор. Он знал, что ему нужно убедить человека, способного причинить весьма ощутимые неприятности, но которого нелегко провести. А еще он знал, что, не закончив дело, уехать отсюда не может.

– А чему вообще Вы можете верить, господин Оболонский? – меланхолично ответил молодой человек, небрежно смахивая пот со лба и откидывая влажную прядь волос назад, – Поверите ли, что чуть больше двух недель назад мои люди вылавливали распоясавшихся кикимор недалеко от Кобылянок? Далековато от интересов российской империи? Верно. Только кикиморки об том не знали. Мы уже ехали назад, в первопрестольную, как дошли до нас слухи об оборотне. Один купец, побывав в Звятовске, направлялся на юг, так мы и встретились, в одном местечке под названи-

ем Романы. Слыхали? Нет? Ну и ладно. Этот купец нам про Брунова и сболтнул по пьяни. Приятельствовали они, понимаете? А нам ведь границы не указ, советник. Это вы там что-то делите, а мы работаем. Уж не знаю, поверите ли, но мы не всегда только по указке Службы нечисть вылавливаем. Мы, к примеру, если идем по бережку, а в реке кто-то тонет, спасать бросимся, и не важно нам, чей там ребенок тонет, холопский али кметов. Не важно нам, понимаете, Оболонский?

Оболонский понимал. А еще он знал, что Кардашев врет. Точнее, правды всей не говорит.

За стеной в трактире громко гоготали и пьяно ругались; ночью, когда жара немного спадала, жизнь в питейном заведении только начиналась. Торговали и откупным хлебным вином, и местным вареным пивом, и горьковатым квасом, перекисшим и перебродившим, зато холодным. Что ж, жизнь как жизнь.

– Ладно, – кивнул Константин, – Остаться пока я вам позволю, но работать будем вместе. Без меня ни шагу.

Кардашев невольно скривился, однако переубеждать собеседника не стал. Какая-никакая, но победа: капитан-поручик, признаться, не ожидал, что она достанется ему так легко. А там жизнь покажет – вместе ли они будут работать.

– Итак, что Вам известно?

Герман не был намерен сразу же выкладывать карты на стол. Да и не сразу, а и вовсе не намерен. Однако волей-нево-

лей приходилось подстраиваться под Оболонского. Тауматурга он не боялся, но хорошо понимал, что тот способен доставить отряду немалые неприятности. А лишний шум ни к чему. Совсем ни к чему... Да и помощь тауматурга, возможно, не лишней будет... Если грамотно ею распорядиться.

Так что Кардашев небывало расщедрился на рассказ. К примеру, поведал про то, как наведался к Брунову, да опоздал – аккурат хоронили. Потом про то, как отряд колесил по округе, пытаясь про Матильду, пропавших детей да призрачных оборотней...

– Откуда знаете про детей? – насторожился тауматург.

– Брунов кое-что помечал да мы по хуторам проехали, куда успели за три дня.

– Помечал? У Вас есть записи Брунова?

– Если Вы сможете в них разобраться, – проворчал Кардашев, пряча насмешливый взгляд и доставая из сумки потрепанную записную книжицу, перетянутую бечевкой. Даже в неярком свете лампы было видно, насколько замызганы края листков, кое-где склеившихся в ломкую черно-белую кашу. Книжка явно попала в воду, чернила пошли разводами, что и подтвердилось, когда Герман снял бечевку: высохшие хрустящие листы почти рассыпались от одного прикосновения, а записи на них можно было прочесть лишь в некоторых местах.

– Но мы и без пометок Брунова многое узнали, – спокойно продолжил Кардашев, наблюдая, как склонившийся над

столом Оболонский бережно касается бумажных останков, вглядывается в расплывшиеся буквы, – Если Вам интересно.

– Мне интересно, – ответил Константин, не поднимая головы, – Возможно и почитаю. Но не сейчас.

Он захлопнул записную книжку, перевязал ее бечевкой и только тогда поднял невозмутимые глаза на Германа.

– Как оказалось, этим годом пропало десять детей, – неспешно продолжил Герман, разглядывая тауматурга, – Это те, о которых Брунову стало известно, а мы проверили. Двое мальчишек исчезли ранней весной, подозревают, что утонули при половодье. Остальные восемь – в последние два месяца. И все девочки. Что и вправду ненормально. Теперь семь. В Передоле Антя Макарьев да Сенька Гнилой Зуб из кметов бедных, чего греха таить, от лишнего рта избавиться и сами рады, с ними и разговор был короткий. А вот Василь Хромой за свою семилетнюю Аришку сам кому хочешь ногу свернет.

– Из Передола всего трое? Передол... это где?

– Ближе к болотам, – Герман лениво махнул рукой себе за спину, – Мальчишки были первыми после тех, что утонули. Пропали где-то перед Троицей. А девочка – одной из последних. Дальше. Семирядки и хутор около них. Две девочки...

Герман рассказывал обстоятельно, весомо, неторопливо, даже лениво. Он не старался произвести впечатление, однако работа, сделанная его людьми всего за три дня, более чем впечатляла. Объехать чуть ли не сотню верст, найти в жар-

кую августовскую пору не просто села да хутора, разбросанные по лесу, что грибы-поганки, но и нужных людей, работающих кто в поле, кто на пастбище, – для этого нужно иметь куда больше времени и сил. А Герман смог. Честь ему и слава?

Константин молча слушал, не пропуская ни единого слова, не перебивая ни единым вопросом, пока Кардашев не закончил.

– ... в тех местах, где якобы дети пропадали, чисто. Ни тел, ни ошметков плоти. Если бы то был оборотень, следов на десяток локтей вокруг нашлось бы. А их не было. За все три дня мы вообще ни разу не учуяли оборотня. Поначалу я думал, что Брунов ошибся и причина вовсе не в бестии. Страшно представить, но разве мало лиходеев, которым детиски могли понадобиться для личных утех или на продажу? – Герман говорил почти словами самого Оболонского и его выводы практически совпадали с теми, что сделал сам тауматург.

– ... места здесь дремучие, однако перейдите через болота на юг – и пожалуйста, никто искать и не подумает. А потом мы получше изучили места вокруг Передола. Каждую пядь земли в лесу чуть ли не руками ощупали. И нашли. Только не там, куда нам кметы указывали, а совсем в другом месте. Крови там совсем чуть-чуть, зато есть след когтей на рябине и земля волчьими следами усыпана. Так что есть здесь оборотень, господин Оболонский, что человечинкой не брезгу-

ет.

– Десяток детей за два месяца, это много крови и малый отрезок времени. Я не знаток тонкостей вашего ведьмачьего искусства, – Герман едва слышно недоверчиво хмыкнул, – но даже мне понятно, что здесь орудовал не обычный оборотень. Так ведь?

Кардашев хмуро улыбнулся, помедлил и ответил:

– Похоже на то. Сначала мы думали, что оборотень-перевертыш живет здесь давно и способен полностью себя контролировать, раз не раскрылся за столько лет. До недавнего времени он и держался в этих рамках. Но месяца два-три назад что-то произошло, что-то значимое для него, и он сорвался. Тут и начинаются нескладушки, господин тауматург. Если оборотень сорвался в гон, то насыщается он тем, что найдет поблизости. А этот мечется. Берет девочку в Само-святах утром, а на хуторе у Василевой рощи – к ночи. Двадцать верст для него не расстояние, но куда он дел ребенка или останки? Убежище посередине? Если насытился, то не мог же он к ночи проголодаться? Ему два-три дня надо, а он нападает только через пять дней или даже больше. Нелогично. Дальше. Оборотень действует очень тихо, скрытно и чисто – на месте жертву не рвет, следов не оставляет. Для оборотня-перевертыша, перешедшего в стадию гона, это неправильно. Когда тварь подчиняется гону, человеческое в ее сути перестает доминировать, любые человеческие запреты дают сбой и оборотень слышит только голос собственной пло-

ти, страшно голодной и жаждущей. Исчезает также страх перед разоблачением, а потому он не заботится о скрытности. Так что начни перевертыш в гоне искать жертвы, об этом знала бы вся округа и стонала от ужаса. Мы бы об этом знали. Так что у него не гон, он пока латентен. Вопрос в том, зачем ему столько детей? Оборотни запасов не делают. Не белки ведь.

– Вывод?

– Оборотень не один. Их двое, и второй появился здесь недавно, скажем, месяца два назад, или меньше. Это вполне объяснило бы то, что рассказывал один мужик, Мазюта. Твари территорию делили да повздорили между собой, один из них был ранен – вот это-то мужик и видел у Батрянской прорвы. Не сегодня-завтра мы их найдем.

– Допустимо, – коротко заметил Константин, – Но может быть и другое объяснение.

– Неужели? – резко вскинулся Герман.

– Вы, Кардашев, умны и наблюдательны. Не сомневаюсь, Вы хороши в своем деле. Вы не дурак. Так почему Вы держите за дурака меня?

Герман откинулся назад. Под его правым глазом предательски задергался нерв и это было единственным проявлением его ярости.

– Что Вы хотите этим сказать, Оболонский?

– Почему Вы так стараетесь меня убедить, что это перевертыши? Вы полагаете, я не способен отличить действия

перевертыша от цепного?

Несколько секунд Кардашев молчал и пристально всматривался в аристократические черты невозмутимо застывшего перед ним человека. Как же достал его этот надменный выскочка с его догадками и властными замашками! Держался бы себе подальше от того, что ему не по зубам!

– Не перевертыш – это серьезное заявление, – отрывисто бросил он, когда молчание стало просто неприличным, – Не понимаю, зачем Вам все усложнять?

– А я сюда приехал не шутки шутить. Итак, что Вам известно про того оборотня – цепного оборотня, что гуляет по здешним лесам? Это только несведущие люди любых тварей, которые могут менять облик с человеческого на звериный, оборотнями зовут, но мы-то с Вами знаем разницу?

– Перевертыш добровольный – это сравнительно просто, – принялся рассуждать Кардашев легко и внешне непринужденно, даже с улыбкой, однако ж изрядную долю издевательства скрыть не смог, как и с трудом подавляемой злости к сидящему напротив человеку, – Вогнал себе в пень три ножичка, перекинулся через них и бегай волком пока не надоест. Перевертыш принудительный – немного сложнее. Подстроить так, чтобы человек вступил в зачарованный круг в полнолуние – это надо постараться, но по большому счету больших умений и умствования не требуется: знай себе травы, формулу да привычки дурня, которого желаешь зачаровать. Годик-другой прошел – чары сами спадут. А вот цеп-

ной оборотень – это уже не игрушки. Цепной оборотень это тот, кто подчиняется своему поводырю и душой, и телом, вернее, двумя телами – человеческим и звериным, сильными, выносливыми, неустоящими. И бабке-шептухе проверить такое подчинение не под силу, даже не каждый хороший колдун рискнет это сделать. То высшей магии уровень, даже я не все понимаю в ритуале. На крови делается, между прочим. Так вот куда Вы клоните, господин Оболонский? Из крохотного дельца о пропаже детей желаете раздуть дело об ужасном кровавом колдуне верхом на цепных оборотнях? Только что им здесь делать в этом гиблом болоте? Какие великие злодеяния совершать? Оглянитесь, откуда здесь высшие маги? Пара травников да местная старуха-знахарка, что и так на ладан дышит – вот и все чародеи на весь повет. Даже ведьмы приличной нет. Куда Вас несет, господин Оболонский? Ради этого мифического колдуна Вы сюда приехали?

– Почему бы и нет? Искать поводыря, именно это я и собираюсь делать, – насмешливо ответил Константин, – У Вас есть кто-нибудь на примете?

Желваки на скулах Германа ощутимо перекатились, а губы тронула легкая улыбка.

– Представьте, есть. Некто Тадеуш Менькович, местная легенда.

– Почему Менькович?

«Экселянт» не маг, а значит, управлять оборотнями не сможет – это Оболонский знал наверняка и узнал это в тот

самый момент, когда коснулся руки Меньковича. В хозяине «замка» не было ни намека на магический дар, однако это совсем не значило, что мага нет в его окружении. Как раз маг таки и был у Меньковича, но как Кардашев узнал об этом – вот что было интересно.

– Подозрительная личность, – внезапно хохотнул Герман, – Приехал по весне, то бишь месяца четыре назад, как раз накануне первых исчезновений детей, живет в своем замке на болотах уединенно, перессорился в повете со всеми, с кем только возможно...

– И это все причины, чтобы его подозревать? – чем больше Кардашев прикрывался очевидным, тем больше у Оболонского возникало причин искать нечто глубоко скрытое.

– Этого мало? В селах поближе к болотам поговаривают, что в последнее время у Батрянской прорвы волки все воют да воют, а ведь не сезон, согласитесь. Менькович прибыл с молодой женщиной, то ли женой, то ли невестой, то ли просто любовницей. Ведет себя как-то таинственно, похоже, боится чего-то. Вот я и подумал грешным делом, а не решил ли он – или она – легенду про Бельку повторить? Со счастливым в их понимании концом, разумеется.

– О, Вы уже и местные легенды знаете?

– А то ж, – рассмеялся Герман, – Об этом в первую очередь узнавать стоит. За каждой легендой маячит нереализованная возможность.

– Верно, – коротко кивнул конкордский советник, – Од-

нако для воплощения легенды оборотни ни к чему.

– Согласен, – кивнул Герман, – А если планы у Меньковича куда больше, чем произвести потомство? В таком уединенном месте вообще удобно опыты ставить, Вы не находите? И не окажись мы случайно рядом, кто б узнал об этом?

– Зачем ему? Менькович – конкордский дворянин, оборотни в Трагане ему не помогут, – холодно заметил Оболонский.

– А если оборотни тут ни при чем? Да и его намерения вовсе не в Трагане?

Что ж, это был довод, который и самого Оболонского ставил в тупик. Зачем Меньковичу маг, если невозможно применить магию для захвата конкордского княжеского престола? Кому в голову придет готовить магические штучки, отправляясь войной на Трагану, столицу Конкордии, в самое сердце «белого» пятна, где магия бессильна?

Константин мягко встал, этим нерезким движением всколыхнув слабое пламя лампы, отчего по стенам побежали загадочные тени. Встретился глазами с выжидательно застывшим на неудобном стуле Германом, уставшим от жары и разговора, но не сдавшимся, бледным, с крошечными бисеринками пота, рассыпавшимися по лбу, с расстегнутой до середины груди сорочкой.

– Что ж, на сегодня довольно, – ровно сказал Оболонский, – Есть что-нибудь срочное, что вы собирались делать завтра?

– Один утопленник да хутор третьего дня погоревший, – пожал плечами Герман, – Я как раз собирался завтра поутру его навестить. Составите компанию? – предельно учтиво спросил он.

Оболонский кивнул, сухо попрощался и вышел.

Еще один день состязания в учтивости, и у кого-то окончательно сдадут нервы, невесело подумал Кардашев, раздраженно утирая потный лоб. Сомнительно, что у Оболонского.

Ночь почти не принесла пролады, а утро заявило о грядущей жаре ослепительно чистым небом и отсутствием ветра.

Едва встало солнце, Герман и его отряд были готовы в путь. Если они и надеялись выехать в одиночку, то были разочарованы – Оболонский не опоздал. Он появился свежий, умытый, чуть порозовевший от ледяной родниковой воды, гладко выбритый, безупречно аккуратный, будто не было ужасной душной ночи... мокрых сбитых простыней... слипшихся на голове волос.

Кардашев хмуро кивнул в приветствии, Оболонский спокойно обвел глазами отряд. Кроме самого капитан-поручика членов отряда было пятеро. Молодого парня, встреченного вчера у колодца, звали Аськой, просто Аськой. Он молчал, но оказался самым дружелюбным из всех, даря широкие улыбки во весь рот направо и налево. Высокого широкоплечего громилу с массивной нижней челюстью и прямым

неприязненным взглядом Кардашев назвал Подковой, и эта кличка как нельзя более кстати подходила тому – крепкий, добротный, несгибаемый. Впрочем, насчет последнего было с точностью до наоборот. Как впоследствии оказалось, свою кличку молодец именно за то и получил, что запросто гнул подковы пальцами. Чернявый мужичок, похожий на цыгана, звался Стефаном Борским, среди своих – Стефкой. Его погалочки черные глаза-бусины без стеснения окинули фигуру Оболонского, будто впервые увидели, и с вызовом прищурились, но как только взгляд советника переместился на следующего члена отряда, потеряли к нему всякий видимый интерес. Стефка явно не мог долго устоять на месте, за пару минут задержки во дворе несколько раз перепроверил подпругу своего коня и переложил дорожные мешки поудобнее.

Гаврилой Лукичом звали невысокого росточка сухонького мужчину лет шестидесяти, аккуратного до педантичности. Он единственный звался по отчеству или вообще только по отчеству, что в этих краях не было принято. Лукич говорил тихим голосом, вежливо, чуть извиняясь, но глаза его смотрели прямо и испытующе. Умные глаза, Оболонский сразу это отметил.

И наконец, последним был Алексей Порозов. Тридцатилетний мужчина в самом расцвете сил и способностей с первого взгляда казался буютером и дебоширом. Следы вчерашней попойки заметно отпечатались на его физиономии, свидетельством чему были слегка замедленные движения да

хмурый, рассеянный взгляд, ищущий причину сорвать на ком-нибудь злость. Повиноваться кому-либо явно было не в его достоинствах, однако к молодому и более успешному Кардашеву он не испытывал ни зависти, ни обиды – это было очевидно. Оболонского это даже немного удивило.

После недолгих колебаний, мимолетных жестов и знаков, для людей посторонних кажущихся ничего не значащими, отряд разделился. С Оболонским к сгоревшему хутору поехали Стефка и Подкова; Герман отправился с остальными, неожиданно издав залихватский клич, расхохотавшись и пустив лошадь в галоп. Его проводили веселыми взглядами, в которых читалось что-то близкое к обожанию.

Оболонский отвернулся. Кардашев не посчитал нужным сообщить, куда отправляется сам со своей частью отряда, и не дал возможности советнику спросить об этом. Да он и не настаивал. Со временем Герман сам расскажет. Быть не может по-другому!

Ехали не торопясь, оттого прибыли на место чуть ли не к полудню. Лес давал какую-никакую тень и сравнительную прохладу, особенно там, где вековые ели обступали мало-изъезженную дорогу и практически смыкались верхушками вверху, устраивая таинственный темный тоннель. Однако стоило выехать на прогалинку, как духота навалилась со свирепостью голодного медведя. Жаркий воздух колыхался перед глазами как горячий кисель из лесных запахов. На все

лады пели птицы, фыркали лошади, которым нещадно досаждали слепни, люди молча потели и раздраженно утирали соленую влагу, разъедающую глаза, да нервно махали руками, отгоняя жужжащих кровопийц.

Спутники Оболонского о чем-то тихо переговаривались между собой, посмеивались или бранились, однако к нему самому не обратились ни разу. Впрочем, его это не волновало. Константин погрузился в размышления, но жара отвлекала, и все, что он надумал за несколько часов пути, так это то, что здесь что-то неправильно. Вроде стандартная ситуация – оборотни на охоте, множество жертв... А все-таки не то. Будь у него хоть один реальный труп, он смог бы его обследовать и более конкретно установить причину смерти, но тел не было, а значит, не было и причин обвинять оборотней, существование которых тоже нужно было доказать. Следы когтей на рябине мог оставить и обычный волк, а пару капель крови потерять случайно зацепившийся за колючий куст путник. И вообще, кого и в чем обвинять?

Все это дело было беспорядочным собранием каких-то домыслов и слухов, практически не подтвержденных фактами, и только не дающая покоя интуиция да еще, пожалуй, природное упрямство заставляло Оболонского держаться своих выводов, а не бросить это дело – на чем так поразительно упорно настаивал Кардашев. Возможно, Кардашев и прав, обвиняя в том, что он делает из мухи слона, но ведь и сам Герман поступал так же, а это было странно. Оболонский с

досадой сжал челюсти и прикрыл глаза. Где искать? А главное, что искать? Жара раздражала. Раздражало даже то, что его что-то раздражает.

Откуда-то явственно тянуло гарью.

– Приехали, Ваше благородие, – неприязненно протянул Подкова и крикнул, спешиваясь. Лес закончился, у большого дуба дорога резко поворачивала вправо, выкатывая свои желто-песочные дорожки-колеи на большой луг с редкими купками невысокого кустарника. По левую руку за довольно высоким утесом и кромкой леса виднелись воды озера, по правую – постройки. Оболонский подъехал ближе и тоже спешился, удрученно оглядывая обгорелые останки.

– Сам бы не увидел, не поверил, – прокаркал сзади Стефка. Голос у него был гнусавый и гортанный одновременно, какой-то разбойниче-вызывающий, да и сам он не выглядел благовоспитанной девицей из пансиона. Оболонский чуть усмехнулся, продолжая рассматривать пожарище. Его глаза сузились, томления, вызванного то ли жарой, то ли тоской, как не бывало, ноздри едва заметно расширились.

– Поджог?

– И коню понятно, – Стефка безразлично, но звучно почухал под намокшей от пота рубахой, – Вишь, пламя шло с востока, с луга, да ветром подхватило, вон как береза за домом выгорела. Огонь не в доме зачинался, не-е.

– Что ж тебе не нравится? – обернулся Константин, заглядывая в наглые черные глаза Стефки, – Подумаешь, поджог.

Соседи счета сводили.

– А ты посмотри, барин, кругом, – с ленцой ответил тот, – Сушь такая, что яблоки морщатся, трава на корню усыхает. Ковырни землю – трухой отдаст. Да тут должно бы все выгореть, до последней деревяшки, до последнего колышка! Тут пожару бы на пол-леса, не меньше, и озеро не спасло бы – огонь ведь не к нему, а от него пошел. А здесь что? Хата погорела, сарай – а за ними огонь как ножом отрезало. А что хлев? А гумно? А стога не тронутые? Не-е, барин, чудное здесь пламя гуляло.

– Верно, – весело осклабился Оболонский, на что Стефка недоуменно покосился, – Проверим, Стефан, проверим. Всему свое время.

Он еще раз обошел кругом обугленные камни фундамента. Хата была большая, богатая, нетипичная для этих мест, рассчитанная на немалую семью, да и пристройки об этом говорили. Здесь явно держали скот, и не одну корову. Маленький ухоженный огородик и виднеющееся за поникшими от жары кустами небольшое убранное поле говорили о том, что хозяева были трудолюбивы и аккуратны. Так где же они?

– Сколько человек здесь жило? – повернулся Оболонский к Стефке, сидящему на корточках и ковыряющемуся в золе.

– Сказывают..., – он сморщился, припоминая, – немного, восемь. Муж с женой, детей пятеро – три девочки да два мальчонки, и дед.

– А куда делись? Разве все погибли?

– Нет, сгорели родители да один из мальчиков. Вот там могилы, вчера и хоронили. А остальные..., – он удивленно глянул на Оболонского, – остальных взял к себе кто-нибудь. Не знаю.

– Кто-нибудь взял, – задумчиво повторил тот, покачивая головой.

Где-то в стороне, у озера раздался удивленный возглас Подковы. Стефка насторожился, потом бросился бежать. Молча, на ходу вытаскивая нож.

Когда Оболонский осторожно спустился к воде, Стефан и Подкова стояли, равнодушно подперев бока кулаками, а между ними на мокрой земле лежало выволоченное из воды тело, белесыми неживыми глазами уставившееся в небо.

– Утоп, – мрачно сказал Подкова.

– Но не сгорел, – в тон ему поддакнул Стефка.

У трупа были длинные седые космы, сморщенное старческое лицо и вполне опрятная длинная рубаша, если не считать того, что она вся была в разводах озерной грязи и тины.

– Кто таков? – спросил Оболонский, подходя ближе.

– Не похоже, чтобы чужой, – с сомнением сморщил лоб Подкова, – Без портков далеко не уйдешь. Может, дед хуторской? За водой побежал да утоп?

– Может, и утоп, да только..., – Стефка застыл на полуслове, наклонил чернявую, густо заросшую черными завитками голову, прислушиваясь к чему-то одному ему известному, настороженно сузил глазки, нервно задергал ноздрями, по-

том неспешно выковырял откуда-то из-за пазухи солидный серебряный медальон на пошарпанном кожаном шнурке, подержал его на раскрытой ладони, будто взвешивая и прикидывая нечто, и... спрятал обратно.

– Отчего ж его сразу не нашли и не похоронили? – закончил за Стефкой мысль Оболонский, но тот даже не обернулся.

Подкова смотрел на приятеля с терпеливым, но явным интересом, а когда Стефка невозмутимо уставился на безмятежную гладь озера, равнодушно отвернулся и он.

– На каком расстоянии ты способен его учуять? – ровно спросил Оболонский.

– А? Что? Кого учуять? – делано встрепенулся Стефка.

Оболонский вздохнул: игры начали его утомлять.

– Водяного. Ты же его след искал? Или ты способен почуять нечисть, только если она на тебя прыгнет?

– А я тебе не гадалка, чародей, следы на воде искать, – хмуро огрызнулся Стефка, – я ведьмак, мое дело хватать тварюгу. Вадзяник, – мужичок говорил на местный манер, мягко «дзэкая», – где-то под тем хмызняком нынче сидит. А был ли он здесь, у берега, и когда, – на воде не написано. Разбираться надо.

– Ты что же, по характеру ран на ногах у утопленника не можешь определить, водяного ли рук дело?

– А то и вижу, что его, – зло буркнув, признался Стефка, – только сейчас его не выманишь, крепко засел, на дно

ушел. Нам с Подковой вдвоем его не выманить. Тут Аськин талант нужен. А на живца... спасибочки покорно. Да и навки тут неподалеку крутятся, они за хозяина горой станут. Ты вот что, чародей, мы свое дело знаем, не впервой нам. Сами обойдемся, без твоей помощи.

Оболонский равнодушно пожал плечами и, больше не сказав ни слова, поднялся на утес.

Озеро, почти со всех сторон окруженное высокой стеной леса, очаровывало тихой, незамутненной красотой. Ровная водная гладь с окантовкой камышами, кустами и только несколькими узкими ленточками песочных отмелей имела форму выгнутой капли, и ее более узкая часть терялась где-то среди деревьев вдали. Из-за жары озеро заметно обмелело, но его исправно питали холодные ключи, отчего от воды маняще тянуло вожделенной прохладой. Хорошо бы искупаться, но стоило только глянуть на хмуро-озабоченные лица Стефки и Подковы, как желание сразу же пропадало: если обитающий здесь водяной достаточно зол, стар и силен, выйти из воды живым будет проблематично. И как здесь хуторяне-то жили столько лет?

Далеко слева, почти скрытые деревьями виднелись какие-то постройки. Оболонский заинтересовался – даже отсюда было заметно, что здание каменное, мощное. Видна была только часть строения, его полукруглый серо-зеленый мшистый бок будто вырастал из воды, впитывая ее сырость и застылость, однако крыша была явно разрушена: сливаю-

щиеся с верхушками деревьев линии верха были изломаны и неправильны. Оболонский сказал бы, что здание походит на какую-то полуразрушенную башню, но что башня делает здесь, посреди озера в лесу? Он вглядывался в темный с прозеленью, словно продолжение водной глади силуэт, как вдруг заметил на верху человеческую фигуру. Он бы и не различил ее в пестрой мешанине красок леса, если бы не вглядывался и не учуял легкое движение. Насколько позволяло судить расстояние, фигура была невысокой, одетой в черное. Константин предположил, что это женщина.

– Кто это там? – негромко удивился он, скорее рассуждая вслух, чем спрашивая.

– А то вдова Ситецкая, надо полагать, – раздался вдруг осторожный, чуть извиняющийся голос сзади. Оболонский резко обернулся, от неожиданности Подкова крикнул, зато Стефка даже не двинулся с места – незнакомца он приметил еще тогда, когда тот появился из-за деревьев, и не посчитал его опасным.

– Базил я, лесником буду, – доверчиво улыбаясь и кланяясь, представился высокий худой мужик средних лет в плотной холщовой рубахе не первой свежести. Заскорузные его пальцы по-кошачьи ритмично мяли соломенный капелюш, – а вы, стал быть, ведьмарите?

– Еге, – с удивлением приподнялся сидевший на корточках Стефка, – а ты, стал быть, ведьмаков знаешь?

– Так не первый ж год живу, – довольно хмыкнул Базил.

– А ты один такой умный или еще кто знает? – поинтересовался Стефка.

– Не-е, такой умный я один. Мамка таким уродила, так я пока не жаловался, – Базил спрятал светлые глаза под белесыми ресницами, выдержал многозначительную паузу и с наигранной наивностью сказал:

– Просто я подслушивал, о чем вы говорили.

Подкова и Стефка переглянулись между собой и оглушительно расхохотались.

Существование ведьмаков тайной не было, но о роде своих занятий эти люди кричать на каждом углу не спешили. Пока существовала нечисть, которая не желала тихо сидеть в природой определенной ей нише и предпочитала людское мясо всему остальному, существовали и те, кто с этой нечистью способен был бороться и успешно делал это. Твари, или бестии, как их обычно называли те, кто непосредственно с ними сталкивался, существовали всегда и везде, были неотъемлемой частью природы. Хотел этого человек или нет, но с миром бестий, полу-невидимым и непонятным, ему приходилось сосуществовать. Иногда человек поклонялся ему, иногда истреблял всех без разбору, иногда делал и то, и другое одновременно. И если на морок, обман, лукавство, заигрывания бестий человек смотрел как на досадную неизбежность и большей частью смирялся с этим, то убийство себе подобных постепенно научился не прощать. Так родился закон сосуществования, с которым худо-бедно согласи-

лись обе стороны, и этот закон гласил: если бестия выходит за рамки правил сосуществования, она может быть уничтожена. Обычно в таких случаях селяне обращались к ферам – местным знахарям, ведуньям, колдунам, наконец. Но по сути это было дело ведьмаков.

Ведьмаки не были ни тауматургами, ни ферами. Они были другими, но и обычными людьми тоже не были. Ведьмаками как правило называли всех, кто охотился на нечисть, но на самом деле истинными ведьмаками были лишь люди, обладающие определенными способностями, особым пограничным полумагическим даром. Их еще называли сенсориками, «видящими», «видцами», *visibilis*, хотя их дар был куда более разнообразен – кто-то «видел» невидимый мир, кто-то «слышал» его, кто-то «ощущал», то есть, мог безошибочно определить, правду ли говорит собеседник или лжет, кто-то «читал» (чужие мысли) и прочие. И охота на бестий, нарушающих законы существования в человеческом мире, была лишь одной, наиболее известной сферой применения способностей ведьмаков. Но и об этом говорить они не любили. Ведьмаки скрывали род своих занятий не только из-за извечной неприязни обывателя, выросшего на сказках, а еще потому, что ведьмаки были заметно слабее феров и тем более тауматургов.

Оседлые феры как правило не выносили конкуренции и исключительно ревниво относились к тому, что некие ведьмаки орудуют в их владениях, между тем как не каждый кол-

дун мог успешно справиться с бестиями. Ведьмачье искусство было сродни цирковой дрессировке дикого зверя, имело свои особые секреты и приемы, о чем маг мог даже и не догадываться. Умение приласкать мурлыкающую кошку не свидетельствовало о способности справиться с тигром, умение управляться с магией не означало умения подчинить своей воле лешего или домового, а потому феры и ведьмаки предпочитали приходить к любовному соглашению, если бестия вдруг залютует и нужда-таки заставит обратиться к помощи недруга.

Друг друга феры и ведьмаки не любили, но терпеть терпели. А вот с тауматургами ни те, ни другие дела предпочитали не иметь.

Наука, отсутствие предубежденности, всесторонность и методичность обучения даже худшему из тауматургов давали преимущество перед собратьями по дару, и это сделало их слишком высокомерными: они и ближайшую свою братию по магическому Дару, феров, переносили с трудом, что уж говорить о полумагах-сенсориках? Впрочем, с тауматургами ведьмакам приходилось сталкиваться редко, поскольку объекты их охоты редко обитали рядом с этими магами – себе дороже.

Видцы, истинные ведьмаки, редко работали в одиночку. А точнее будет – никогда.

Каковы бы ни были его профессиональные особенности, видец, способный ощущать сущность нечисти, должен был

уметь главное – удерживать тварь, делать ее видимой для других. А вот чтобы обезвредить бестию, нужен был кто-то еще. Поэтому сенсорик никогда не работал один. И этот «кто-то еще» должен был, во-первых, знать слабые места бестий. Неотъемлемой частью ведьмачьего искусства было знание набора инструментов, с помощью которых можно было убить или подавить ту или иную нечисть. На кикимору не пойдешь с заговоренным железом, что полезно против оборотня, а леший не испугается запаха трав, от которого воротит нос багник. Любой ведьмак, обучающийся своему ремеслу, первым делом изучал привычки нечисти и способы борьбы с ней, а потом немало времени тратил на то, чтобы найти необходимые – и нередко весьма редкие – ингредиенты для различных магических смесей, те или иные предметы, без которых обойтись нельзя. Нет орудия – на нечисть лучше не лезть.

Во-вторых, этот «кто-то еще» должен был быть достаточно сильным, быстрым и безжалостным: иная тварь, даже связанная узами невидимого принуждения, в разы превосходила скоростью и ловкостью самого натасканного на молниеносные удары человека. Тут и правильно подобранное орудие могло не спасти.

Ко всему прочему у сенсорика, видца, был существенный недостаток: удерживая связь с нечистью, он рисковал повредиться сам, например, получить сильнейшую головную боль, и чем дольше, тем вероятнее. Иногда это заканчивалось глу-

боким обмороком, комой и даже смертью. Ведьмаку нужен был напарник, который убьет тварь прежде, чем тварь убьет его. А лучше – два или три. Отряд.

Отряд Германа состоял из шести человек – типичный набор: «голова», два «видца», два «кулака» и «фуражир».

«Головой», само собой разумеется, был Герман, командир, человек, определявший и стратегию, и тактику боя. При случае он мог заменить любого, однако чаще всего сам в бой не вступал, руководя со стороны. «Видцами» были Стефка и Аська, кое-какие склонности были и у самого Германа. Подкова и Порозов были «кулаками», бойцами – теми, что убивают тварь и прикрывают видцев. «Фуражир» и лекарь Лукич вне рейда занимался тем, что разыскивал необходимые инструменты и ингредиенты: от серебряных пуль и кинжалов до когтей ласточек или языков змей – на всякую тварь да на всякий случай, а там время покажет, надо оно иль не надо. Сверхзапасливость Лукича была притчей во языцех, что однако не мешало пользоваться ею во время рейдов. Фуражир в отряде был, образно говоря, подмастерьем в кузнице: молоточек подать да меха раздуть, но без его участия железо бы не ковалось. Каждую свободную минуту Лукич проверял свои запасы, без сожаления расставаясь с испорченными, сломанными или прогнившими – дырявые порты сраму не прикроют, как любил говаривать он, и пополнял новыми, собирая травы, коренья, потихоньку вылавливая жаб, змей, пауков.

Константину не понадобилось много времени, чтобы определить, кто есть кто. Род занятий каждого из отряда для мага был очевиден, как и уровень силы, которой каждый обладает, как и способности. Но были две вещи, которые помимо работы объединяли этих людей, не один год кочующих вместе в поисках распоясавшихся бестий. И это тоже было очевидно. Искренняя дружба и взаимопомощь и острая неприязнь к тауматургу. Константин кожей ее чувствовал – вязкую, тяжелую, неприкрытую неприязнь. Ни на чем не основанную, немотивированную, существующую как бы саму по себе, «ничего личного», просто потому, что так установлено до нас.

Только разве его это беспокоит?

Оболонский равнодушно улыбнулся своим мыслям и вернулся к рассматриванию фигуры на верху полуразрушенной башни. И обнаружил, что ее там нет.

– А что эта ваша вдова Ситецкая там делает? – задумчиво спросил он в никуда.

– Живет она там, – подался вперед Базил, взбираясь на утес, – С весны, пожалуй. Купила, как рассказывают, Белькину башню и живет там.

– Белькину башню? – задумчиво повторил Оболонский, пробуя название на вкус, помедлил и предложил:

– А не навестить ли нам эту милую старушку? Прямо сейчас?

Глава четвертая

– Слышал я, Белькина башня пользуется дурной славой? – спросил Константин, мерно покачиваясь в седле и уворачиваясь от хлестких веток деревьев, плотно обступивших почти незаметную тропу.

Базил, идущий впереди, долго не отвечал, отчего тауматург решил, что ответа не дожидается вовсе, но лесник, похоже, просто собирался с мыслями.

– Дурной то да, – осторожно ответил он, – Старики сказывали, ведьму там схоронили.

– А ты что ж, не веришь?

– Отчего ж не верю? Верю.

– Но идешь к Белькиной башне без боязни. Вдова там живет, и ты ее не сторонись. Семья жила на хуторе неподалеку, с другой стороны озера. Выходит, не верите вы в легенду про страшную ведьму Бельку?

– Про Бельку верим, – мрачно ответил Базил и украдкой перекрестился.

– Значит, не в башне дело?

– Тревожно как-то в лесу стало. Чую беду.

– О чем это ты? Какая тревога?

Лесник пошел чуть быстрее, насупившись и втянув голову в плечи.

– Послушай, Базил, мы не враги друг другу. Я хочу помочь

вам вернуть детей. Но как я узнаю, что произошло, если вы все будете молчать?

Лесник прошел еще с десятков шагов, прежде чем ответить.

– А никакая тревога. Просто тревожно и все тут. Старик-то по слухам сказывали, а знающие люди точно сказали: не было в башне Бельки. Ежели ведьму где и схоронили, то точно не на Белом озере. А ежели по всем правилам не схоронили, то она неупокоенная. Это ж значит, сила в ей колдовская осталась, как плоть нужную найдет, то сразу возродится и мстить будет.

Оболонский поразился тому, как складно сказал мужик о вещах, в которых вряд ли сам разбирается. Не иначе, как с чужих слов. С чьих, интересно?

– Ходят слухи, что Бельке не лежит на месте, – нехотя продолжил лесник, – Видать, нашла ведьма, в ком поселиться.

– Так это она детей крадет? Мстит?

Лесник пожал плечами:

– Сказывают, Белька своих детей ищет. Тех, что не родились. Живых забирает взамен...

– А про оборотней что сказывают? Перевертней? – понятнее изъяснился тауматург.

– Про оборотней? – немного удивился Базил, – Перевертней тут давно не видали. Мой дед сказывал, за Вышовской пущей был один, уймищу народу порезал, так то было...

– А сейчас? Сейчас перевертни не появлялись?

– Ежели ты, барин, поверил рассказкам Мазюты, то забудь, – рассмеялся Базил, – волков у нас доволи, а перевертней нет.

– А их не так-то просто от обычных волков отличить, – спокойно заметил Оболонский, – след их как волчий, разве что чуть крупнее, да когти поострее. А один вот так чуть отстоит, – маг ткнул под нос леснику раскрытую ладонь, на которой пальцем изобразил лапу и когти, но тот только мельком глянул и отвернулся, задумчиво нахмурившись, – Даже хороший охотник не всегда поймет.

Базил промолчал.

– Не вспомнишь, не встречал?

– Не, – ответил мужик, но голос его внезапно дрогнул.

В молчании прошли еще несколько минут. Впереди в просвете деревьев показалось озеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.